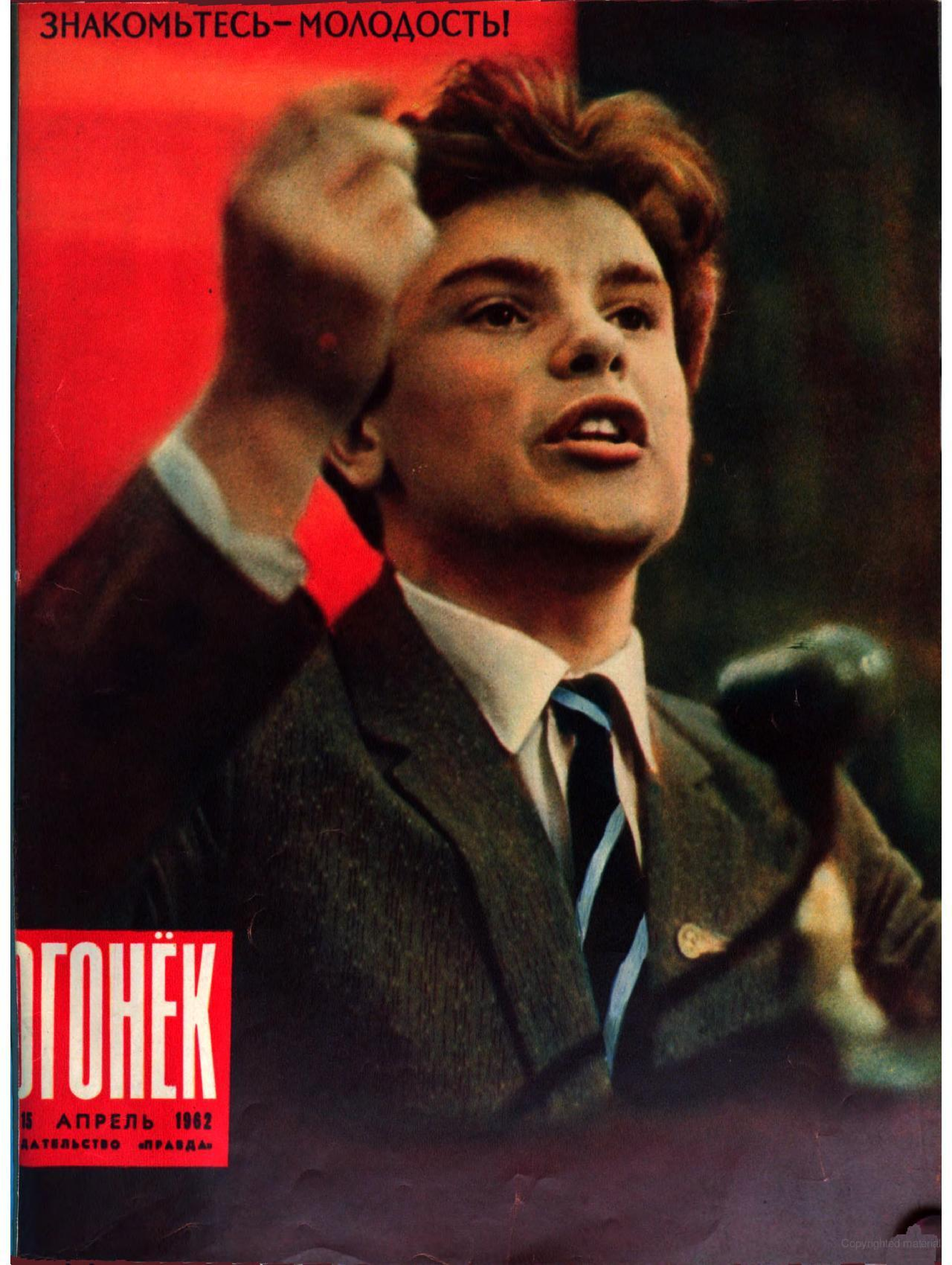

ЗНАКОМЬТЕСЬ—МОЛОДОСТЬ!
ОГОНЁК
15 АПРЕЛЬ 1962
ДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 15 (1816)

8 АПРЕЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЗНАКОМЬТЕСЬ - МО

...лодость!

М. АЛЕКСЕЕВ

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

Все эти молодые лица — то пламенно-возбужденные, то восторженные, то задумчивые и, может быть, чуточку грустные, то одухотворенно суровые, то необычайно серьезные и сосредоточенные, то беспечальные, откровенно счастливые — эти лица вы могли встретить всюду на огромной нашей советской земле. По этой причине мы решили не называть имен юношей и девушек, изображенных на наших снимках, хотя, само собой разумеется, все они имеют определенную фамилию, и определенное место работы и учебы, и определенный адрес. Не будем называть их еще и потому, что они ничем особенно

Продолжение см. на стр. 10—15.

«СОЗДАНИЕ ВЕЛИКОГО ВСЕНАРОДНОГО ИСКУССТВА КОММУНИЗМА, проникнутого глубокой идейностью, оптимизмом и жизнеутверждением,— такова та прекрасная цель, достижению которой будут отданы все творческие силы нашей интеллигенции»,— так писали делегаты Третьего Всесоюзного съезда композиторов СССР в своем обращении к Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

Страна внимательно прислушивалась к тому, что происходило на съезде. Да иначе и быть не могло. Музыка — искусство, близкое и дорогое всем людям. И те проблемы, которые ставили композиторы на своем съезде, волнуют народ.

Недавно съезд закончил свою работу. В честь его окончания президиум съезда устроил прием в Большом Кремлевском дворце. Композиторы, музыканты, музыковеды, зарубежные гости съезда горячо приветствовали пришедших к ним руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. На приеме выступил Н. С. Хрущев.

А в тот день, когда в Москве начался Международный конкурс имени П. И. Чайковского, в Кремлевском Дворце съездов состоялся заключительный концерт Третьего Всесоюзного съезда композиторов.

Это был настоящий весенний праздник, праздник музыки народов нашей страны.

На снимке: товарищ Н. С. Хрущев выступает на приеме по случаю окончания Третьего Всесоюзного съезда композиторов.

Фото С. Раскина.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

ИМЕНИ «ПРАВДЫ»

Вся страна готовится отметить славную годовщину — 50-летие ленинской «Правды». Рабочие корреспонденты с Донецкой железной дороги задумали интересное дело в честь юбилея: провести массовый сбор металлического лома, отправить его на переплавку в мартены, а затем отослать возрожденный металл на заводы, которые изготовят колонну электровозов имени 50-летия газеты «Правда».

Тбилисский завод имени В. И. Ленина уже соорудил первый электровоз колонны — двухсекционную, восьмиосную машину серии «Н-8». Недавно этот локомотив прибыл в депо Красный Лиман.

Новый электровоз здесь встречали торжественно. Был митинг. Начальник Краснолиманского отделения дороги И. М. Жуков вручил ключи от машины лучшему машинисту депо, руководителю коллектива коммунистического труда, почетному железнодорожнику В. И. Олейникову. Вместе со своим помощником Л. А. Перевышко машинист тут же повел рабкоровский электровоз в его первый рейс до станции Иловайское. Там бригада взяла тяжеловесный состав и доставила его «домой», в Красный Лиман, на 13 минут раньше, чем полагалось по графику.

Скоро в Донбасс придут и остальные 11 локомотивов, на стенках которых красной краской будет сделана надпись: «Имени 50-летия газеты «Правда».

Б. АКСЕЛЬРАД
Фото автора.

ЛЕНИНСКИЙ АПРЕЛЬ

Анатолий **АКВИЛЕВ**

Апрель,
апрель!
Сквозь ливни звезд косые
ушел корабль в космический полет.
Летит корабль,
и песню о России
смоленский парень
над Землей поет.

Над семицветьем запланетных радуг,
что он увидел в дальнем далеке,
гремит
его небесная баллада
на ленинском,
на русском языке.

А у меня вот пересохли губы —
и сердца гул в строку не перелить...
Наверно,
трубы,
трубы,
только трубы
сейчас способны с небом говорить!

В полях созреет жаркая пшеница,
и поцелует землю знойный плод,
и в новый путь
стремительно умчится
на серебристых крыльях звездолет.

Придет июль и златоглавый август,
и звезды в пряди нам вплетет метель,
но вечно будет,
вечно будет
радость —
зовущий к солнцу
ленинский апрель!

И от каких бы гимнов
ни немели
потом в восторге дерзкие сердца,
все гимны —
продолжение апреля!
До звезд.
До солнца.
В вечность.
Без конца...

...Горят костры
на площади Дворцовой,
горят всю ночь вдоль огненной реки.
А наши крылья первые
суровы —
лежат в ладонях
острые клинки.

Застыл в своих последних страшных думах
проклятый мир, запрятавшись во мгле.
А люди ждут космического штурма —
космического штурма на Земле.

И над одной шестой моей планеты
октябрь апрелем стал в тот самый миг,
когда штыки взметнулись, как ракеты,
пробив дорогу
к звездам
напрямик!

...Апрель,
апрель!
Сквозь ливни звезд косые
ушел корабль в космический полет.
Летит корабль,
и песню о России
советский парень над Землей поет.

Над семицветьем запланетных радуг,
что он увидел в дальнем далеке,
гремит
его небесная баллада
на ленинском,
на русском языке.

А он летит
над голубою,
вечной,
своей Землей,
что защищать готов,
и кажется ему великий Млечный
горячим дымом
всех земных костров.

Ленинград.

Так начался этот большой день — день открытия II Международного конкурса имени Чайковского.

Фото Р. Лихач

Флаги, флаги! Будто на весенний торжественный парад выстроились они перед величественным зданием Московской консерватории. Флаги, флаги, они окружили памятник Чайковскому, словно большой венок, принесенный сюда его почитателями,— молодыми музыкантами 32 стран.

Музыкальной весной мира называют Международный конкурс имени Чайковского. Лучшие из лучших, талантливейшие из талантливых молодых музыкантов приехали в Москву, чтобы определить, кто же из них самый достойнейший.

Музыка объединяет людей, ее язык не нуждается в переводе. Против этих слов, сказанных Дмитрием Шостаковичем на торжественном открытии II Международного конкурса имени Чайковского, кажется, могла бы возразить только армия переводчиков... Но и они рискнули бы сказать это лишь в самые первые дни, пока происходило знакомство, пока не заговорила музыка. Музыка действительно объединила всех.

На митинге в день открытия конкурса возле памятника Чайковскому духовой оркестр играл финал 4-й симфонии великого композитора. Чистую, прозрачную мелодию русской песни «Во поле береза стояла» взволнованно слушали американский скрипач Освальд Ленерт, только что возложивший венок от своего соотечественника Вана Клиберна, и воспитанник музыкальных школ Горьковской области советский пианист Митя Сахаров... И хотя разные образы, разные ассоциации возникали у них, можно сказать с уверенностью, что думы того и другого были высокие, светлые.

Как много значит имя великого русского композитора для всех этих юношей и девушек, приехавших сюда буквально из-за тридевять земель на высокий форум лучших молодых музыкантов мира!.. Да разве только для них? Множество людей собралось на митинг. Потом, когда митинг закончился и конкурсанты ушли на жеребьевку, у подножия памятника, там, где уже лежали огромные венки, появилось множество маленьких букетиков.

А конкурсанты единой дружной семьей сидели в зале, волнуясь, шутя и смеясь, тянули жребий, все вместе подбадривали австралийца Брэдли, когда он перемешивал номера, и хотя каждый кричал на своем язы Брэдли отлично понимал всех и, гордый доверием, очень старался. том все, как один, хотели вытащить счастливый номер, боялись вы щить № 13 и не хотели № 1. Тринадцатого номера не вытащил ни (его вообще нет), поэтому все были в восторге. Первые же номера стались скрипачу англичанину Питеру Уайлду и японскому виолонче сту Такэйтиро Хираи, и все им сочувствовали.

Но вечером эти тревоги и волнения были забыты. На торжествен открытии конкурса присутствовало Советское правительство во гл с Н. С. Хрущевым. Молодых музыкантов приветствовало жюри, в сос которого входят лучшие, прославленные музыканты мира. Шел ба Чайковского «Лебединое озеро» в исполнении артистов Большого теа

...На следующий день началось творческое соревнование.

— Жюри и слушатели так хорошо слушают, так своим вниманием расположением подбадривают и воодушевляют, что как-то неловко оправдать их ожиданий и играть скверно,— сказал, выходя со сце Большого зала после прослушивания, Питер Уайлд.

Многочисленные любители музыки, слушая радиопередачи с I ту скрипачей и виолончелистов, забрасывают письмами радио и конс ваторию: какие они, эти молодые музыканты, как себя чувствуют?

Они взволнованны и уверенны, торжественны и веселы, сосредоточ ны и общительны — вот какие они.

Перед консерваторией, где вывешены портреты участников II М дународного конкурса имени Чайковского, постоянно толпятся лю спорят, пытаясь угадать, кто же все-таки займет место рядом с Ва Клиберном и Валерием Климовым.

Но участников так много, играют они так хорошо, что даже сам ярые любители прогнозов теряются. Впереди еще II тур, затем II финальное прослушивание. Вот тогда...

— А что, если все хорошо сыграют программу?—спросил кто-то счастливых обладателей билетов на II тур у одного из членов жю

— Победит лучший!..

И. СЕМЕНОВА

МУЗЫКАЛЬНАЯ ВЕСНА МИРА

А вот и первые, пока что только по жеребьевке. Много дел в Москве у Такэйтиро Хираи. Добро бы только играть на виолончели — это дело привычное, а то ведь и фотоаппарат ни на минуту не выпустишь из рук на таком созвездии талантов! Питера Уайлда, которому выпала честь открывать конкурс скрипачей, окружили репортеры. Первый тур позади!..

Фото АПН, Юнайтед пресс интернейшнл, Джапан пресс.

Мир с надеждой смотрит на Женеву, где на заседаниях Комитета 18-ти обсуждается советский проект Договора о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем.

А вот американский сенатор Солтонстолл (на снимке—слева) предпочитает смотреть на мир сквозь прицельную рамку гранатомета. Новый образец этого оружия разработан фирмой «Флейтек Фабрикс инкорпорейтед», которая будет снабжать им американскую армию. Упражнение сенатора с гранатометом — это, впрочем, не самое опасное дело для мира. Куда опаснее жонглирование атомными бомбами, которым занимаются более высокопоставленные лица в американском правительстве. В то время, когда в Женеве идут переговоры о разоружении, земля американского штата Невада содрогается от подземных атомных взрывов. В последний день марта там было в 24-й раз взорвано атомное устройство! США намерены продолжать эту игру с огнем, собираясь в апреле начать испытания атомного оружия в атмосфере. Американская политика военных приготовлений по-прежнему угрожает миру.

ЯПОНЦЫ: «ВЕРНИТЕ НАМ ИТАТСУКЕ!»
ПОБЕДА В СЕМИЛЕТНЕЙ БОРЬБЕ
СОЛДАТЫ НА УЛИЦАХ АРГЕНТИНСКОЙ СТОЛИЦЫ

Мир отвечает на эту политику протестами. На снимке — демонстрация японских сторонников мира в Фукуока. Сто тысяч демонстрантов требовали, чтобы американская военщина ликвидировала воздушную базу в Итатсуке. «Верните нам Итатсуке! Янки, убирайтесь из Японии!» — скандировали тысячи людей.

Победа алжирского народа, заставившего французских колонизаторов подписать соглашение в Эвиане, принесла свободу одному из лидеров алжирского народа, Мохаммеду Бен Белла. Французские власти, незаконно захватившие его и его товарищей в 1956 году, были вынуждены освободить их из тюрьмы. На этом снимке, сделанном в Марокко, слева — премьер-министр Временного правительства Алжирской Республики Бен Хедда, справа — Бен Белла, в центре—король Марокко Хассан II.

На улицах Буэнос-Айреса солдаты. В результате военного переворота ушел в отставку президент Аргентины Артуро Фрондиси. Реакция пытается запретить в стране деятельность коммунистической и перонистской партий и поставить под свой контроль всю политическую жизнь. Печать латиноамериканских стран сообщает, что в этом заговоре реакции принимают участие США.

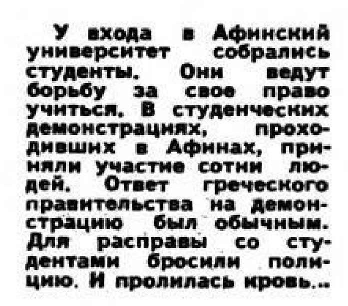

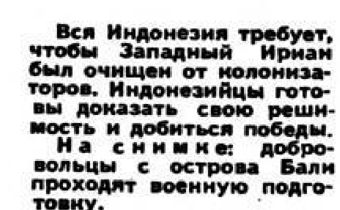
У входа в Афинский университет собрались студенты. Они ведут борьбу за свое право учиться. В студенческих демонстрациях, проходивших в Афинах, приняли участие сотни людей. Ответ греческого правительства на демонстрацию был обычным. Для расправы со студентами бросили полицию. И пролилась кровь...

Вся Индонезия требует, чтобы Западный Ириан был очищен от колонизаторов. Индонезийцы готовы доказать свою решимость и добиться победы.

На снимке: добровольцы с острова Бали проходят военную подготовку.

АНРИ АЛЛЕГ В «ОГОНЬКЕ»

Если вы прочитали небольшую книжечку из серии «Библиотека «Огонька», на обложке которой под портретом человека в очках с добрым и открытым взглядом стоит: «Допрос под пыткой»,— из вашей памяти никогда не изгладится образ смелого и мужественного человека, написавшего ее, талантливого журналиста Анри Аллега. И с тех пор, как вы прочли страницы его книги, в вас будет жить желание увидеть этого человека, которого не сломили ни тюрьмы, ни пытки французских колонизаторов.

И вот Анри Аллег — гость «Огонька».

— Побывать в Москве, в Советском Союзе я мечтал всю жизнь. Теперь наконец эта мечта осуществилась,— говорит Аллег.— Но, к сожалению, я пробуду здесь недолго. Всей душой сейчас я стремлюсь как можно скорее попасть на родину, в Алжир. Столько лет я и мои соотечественники ждали этого часа, ждали, когда над нашей родиной утихнет пламя войны. Этот час настал. Однако в Алжире еще продолжает литься кровь. Фашистские бандиты — оасовцы убивают алжирцев, стреляют во французских солдат, стремятся любым путем сорвать Эвианские соглашения. Немало еще предстоит сделать нам, алжирцам, чтобы на нашей земле наступил настоящий мир. Вот почему мне хочется поскорее вернуться на родину, вернуться к своему любимому делу — изданию газеты «Алже репюбликен», которая была закрыта в сентябре 1955 года. Я еще не знаю, кто из моих товарищей по борьбе остался в живых. Несмотря на соответствующий пункт соглашений, французские власти не торопятся освободить борцов за свободу Алжира.

Все эти годы, пока шла война, народ Алжира чувствовал поддержку и солидарность Советского Союза. Этого мы никогда не забудем,— несколько раз повторяет Аллег.

О многом еще хотелось бы спросить нашего гостя. Но в его распоряжении буквально считанные минуты. Прощаясь, мы желаем нашему большому другу, постоянному автору «Огонька», новых успехов в борьбе, счастья и мира народу Алжира.

На снимке: Анри Аллег в редакции «Огонька».

Фото Г. Санько.

К 90-летию со дня рождения Александры Михайловны Коллонтай

СОВЕТСКИЙ ПОЛПРЕД

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

1930 год. Стокгольм. А. М. Коллонтай направляется в королевский дворец для вручения верительных грамот.

Первый вторник октября 1930 года был тревожным днем для шведского министерства иностранных дел. Чиновник протокольного отдела находился в смятении. Он, который, не заглядывая в справочники, мог рассадить любое количество именитых гостей, в том числе иностранных дипломатов, строго в соответствии с их чинами, орденами, имущественным цензом, родословной и возрастом, на этот раз не знал, как поступить. В Стокгольм прибыла полномочный представитель Советского Союза Александра Коллонтай. Впервые за многовековую историю Швеции королю будет вручать верительные грамоты дипломат-женщина, да еще представитель коммунистической России. Как должна быть обставлена эта церемония? Какое дамское платье может соответствовать фраку и чем заменить цилиндр? Должны ли женщине оказываться те же почести, что и мужчине?

Мадам Коллонтай как дипломат была уже известна шведскому министерству иностранных дел. В 1926—1927 годах она была советским полпредом в Мексике. Газеты писали тогда, что жители Мехико встретили советского представителя с красными знаменами и транспарантами, а делегации индейцев обращались к ней с просьбами облегчить их горестное положение. Газеты отмечали также, что Александра Коллонтай проявила много такта, чтобы разъяснить свои функции дипломатического представителя, который не может вмешиваться во внутренние дела другой страны... Много лет она была торговым представителем, а затем полпредом Советского Союза в соседней Норвегии. «Но не запрашивать же протокольный отдел Норвегии, как ее принимал король Хокон VII,— думал чиновник.— У норвежского короля свои порядки и обычаи. Он приглашает на прием в королевский дворец даже председателя социалистической партии...»

В осенний день, когда Стокгольм окутывал голубой туман, к советскому полпредству прибыли экипажи, запряженные белыми лошадьми. За полпредом была прислана золотая карета с хрустальными стеклами.

В черном бархатном платье, украшенном кружевом и тоненькой золотой цепочкой, к которой был прикреплен лорнет, в шляпе со страусовым пером Александра Коллонтай под торжественные звуки музыки поднялась по белым мраморным ступеням дворца. Почетный караул, выстроенный у старых шведских знамен в доспехах драбантов Карла XII, замер и был похож на каменные украшения. Очень высокий король Густав V должен был низко склониться, чтобы приветствовать небольшого роста женщину с синими глазами.

— Как мне поступить дальше? — спросил король у Александры Коллонтай после краткой церемонии вручения верительных грамот.— По нашему этикету король и посланник разговаривают стоя. Как вас принимал Хокон VII?

— Он любезно предложил мне сесть и сел сам,— отвечал советский полпред.

— Тогда сядем,— предложил король.— На каком языке вы предпочитаете говорить?

— На том, на котором пожелает ваше величество.

— На французском,— после некоторого раздумья решил король.

Ночью министра иностранных дел разбудил настойчивый телефонный звонок. Министру сообщили, что одна из газет готовит сенсационный репортаж. В картотеке редакции обнаружен указ, подписанный в ноябре 1914 года, о высылке из страны политического русского эмигранта мадам Александры Коллонтай и о запрещении ей навеки вступать на шведскую землю.

...С самого начала первой мировой войны Александра Коллонтай находилась в эмиграции в Швеции и горячо поддерживала Ленина, разоблачавшего грабительский характер начавшейся бойни и призывавшего народы воюющих стран превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Александра Михайловна выступила в шведской молодежной газете «Стормклокан» со статьей в защиту ленинских тезисов. Статья получила резонанс далеко за пределами нейтральной Швеции. Однажды ночью к гостинице, где жила Александра Коллонтай, подъехала мрачная полицейская карета, и мадам Коллонтай за недозволенную политическую деятельность была водворена в стокгольмскую тюрьму. Тюрьма осаждалась молодежью, и беспокойную узницу решено было перевести в тюрьму города Мальмё. В шведском риксдаге прогрессивные силы подняли свой голос в защиту русской революционерки, одного из зачинателей и самых страстных пропагандистов международного женского движения. Опасаясь, что судебный процесс над Коллонтай получит нежелательный поворот, шведские власти сочли за благо выслать мадам Коллонтай из Швеции.

Прошло шестнадцать лет. И вот Александра Михайловна Коллонтай как представитель первого в мире социалистического государства едет в ослепительной «семиоконной» карете вручать верительные грамоты королю.

На следующий день после вручения грамот в маленькой шведской газете, которой мало кто интересовался, среди объявлений и торговой рекламы было помещено сообщение, набранное петитом, о том, что указ от ноября 1914 года отменяется.

...Ровно в 7 часов утра звенит будильник. Вслед за звонком слышится шипение и раздаются звуки марша. Заведен старенький патефон с одной-единственной пластинкой. Десять минут физкультзарядки — в шестьдесят лет она особенно полезна,— затем душ, маленькая чашка кофе и большой ворох утренних газет на шведском, норвежском, датском, немецком, английском и французском языках. Советские газеты прибудут позднее. На просмотр утренней прессы — час тридцать минут. Отчеркнуты статьи, которые нужно перевести, в блокнот записаны распоряжения, которые вызываются газетными новостями.

На письменном столе ждет почта. Александра Михайловна вскрывает конверты, читает письма и тут же диктует ответы.

Пишут разные люди со всех концов Швеции. Студент просит помочь понять душу советского человека. Студент прочитал всего Достоевского и не может разобраться, как эти люди строят социализм. Девушка из горняцкого района Кируны спрашивает, есть ли счастье в жизни. Общественная деятельница из центральной Швеции интересуется, как осуществляется «социализация детей в Советском Союзе». На каждое письмо надо ответить. Последнее письмо заставляет задуматься. Да, мало нас здесь знают...

Затем прием посетителей. Дольше других — беседа с советским торговым представителем: как идут переговоры с фирмами, выполняются ли в срок заказы? Обсуждаются пути и возможности расширения торговых связей. Александра Михайловна рассказывает о своем разговоре с горным советником Э., проявляющим большой интерес к получению заказа от Советского Союза.

Весь день предельно заполнен переговорами, беседами с людьми, официальными визитами. И совсем поздно, возвращаясь от министра иностранных дел, Александра Михайловна еще долго сидит в приемной с дежурным, расспрашивает о здоровье его матери, интересуется, как идет изучение шведского языка, как привыкает жена к новой обстановке.

...Война.

Наше полпредство в Стокгольме отрезано от Советского Союза. Шведское правительство подтвердило свою политику нейтралитета.

В центре города в самой большой витрине на Кунгсгатан германское посольство выставило карту мира — мелкие значки свастики, как черная оспа, покрывают лицо Европы. Немцы устрашают шведского обывателя.

Местная пресса полна противоречивых и панических сообщений о положении на советско-германском фронте. Шведские газеты уже несколько раз «сдавали» немцам Москву и Ленинград. Советских газет нет. Советское радио заглушается немецкими трещотками. Тревога заползает в сердца людей. У многих на оккупированных немцами территориях остались близкие, родные. Убеждением и строгостью, мягкостью души и большой силой воли Александра Михайловна сплачивает коллектив полпредства.

Инженеры — приемщики продукции по советским заказам остались без работы и не могут выбраться на родину. Полпред находит для них важное дело: день и ночь сквозь трещотки немецких глушителей они ловят сообщения Совинформбюро, составляют бюллетень.

Почта советского полпредства с каждым днем увеличивается. Бюллетень полпредства стал самым популярным изданием в Швеции.

Пастор из Норрчёпинга пишет, что он со своими прихожанами возносит ежедневно молитвы о даровании победы Советской Армии — самой гуманной армии в мире.

Приезжает общественная деятельница из центральной Швеции и привозит тюк детского и женского теплого белья, любовно вышитого шведскими женщинами. «Это для ленинградских детей и их матерей», — говорит она Александре Коллонтай и краснеет: не помнит ли советский полпред ее письмо о «социализации» детей.

Приходит девушка и приносит шесть серебряных ложечек. Это ее приданое. Она просит принять его в фонд обороны Советского Союза.

Группа студентов сдает в фонд партизанской борьбы против гитлеровских захватчиков мелкие золотые вещи — это «в помощь русским парням, закаленным, как сталь».

Шведские моряки с риском для собственной безопасности привозят из Германии в трюмах советских солдат, бежавших из плена, из фашистских лагерей.

...В этот день Александра Михайловна долго совещалась со своими советниками, военным и военно-морским атташе. Газеты сообщили, что в Северной Швеции взрываются таинственные снаряды огромной разрушительной силы. Гитлеровцы подняли вой: русские обстреливают Швецию. Немцы призывают шведов «к решительным действиям». В Швеции раздается антисоветская истерия. Мрачная полицейская карета ночью увозит незаконно арестованного советского человека, через несколько дней — второго.

В последние годы жизни.

Советский полпред посетил министра иностранных дел. Требует освобождения советских граждан, гневно протестует против антисоветской кампании.

В Северной Швеции взрываются таинственные снаряды? Но разве господину министру не ясно, что немцы испытывают на шведах свое новое оружие? Недаром же на самых мелких осколках без труда можно обнаружить штамп «Сделано в Германии». Это обратный адрес. Немцам необходимо знать, где упал снаряд и какое разрушительное действие он произвел. В Берлине, как видно из прессы, охотно принимаются и шведские ноты протеста, и осколки снаряда, и карты с описанием пораженного района.

— Пристреливая новое оружие, немцы сваливают вину с больной головы на здоровую,— заявляет советский полпред.

Спустя некоторое время новое немецкое ракетное оружие «Фау-2» с ревом обрушивается на Лондон.

Ночь. Александра Михайловна идет в пресс-бюро. Там сидит дежурный инженер, подкручивает ручки радиоприемника и записывает «Передачи для областных и районных газет» из Советского Союза. Советская Армия отходит на новые рубежи. Немцы продвигаются вперед с огромными потерями. Трещотка заглушает передачу. Инженер крутит ручку, и вдруг врывается музыка, хватающая за сердце. Что это? Тяжкая, размеренная мелодия марша, как топот подкованных сапог, пытается задушить чистую и стройную мелодию скрипок.

— Уж не симфония ли Шостаковича это? — взволнованно спрашивает Александра Михайловна.— Недавно о ней сообщали по радио. Очень нужное нам оружие.

В эту же ночь в Москву посылается телеграмма.

И вот 7-я симфония Дмитрия Шостаковича в виде катушек фотопленки летит на самолете в Иран, оттуда — в Ирак, Египет, через всю Африку — в Кейптаун. Обходя минные поля, спасаясь от подводных лодок, пересекает на пароходе Атлантический океан и прибывает в Нью-Йорк. Военный английский корабль везет фотопленки в Лондон и затем на самолете через Северное море, через исстрадавшуюся Норвегию — в Стокгольм.

Блестящие листы партитуры на дирижерском пульте. Симфонический оркестр в рабочем городе Гетеборге исполняет эту великую симфонию, рассказывающую удивительным языком большого искусства о борьбе добра со злом и торжестве добра.

Шведы сидят потрясенные. Они встают и, повернувшись к ложе, где сидит советский полпред, благодарят советский народ, ведущий героическую борьбу, отстаивающий свободу и для них, шведов.

Каждый свободный час Александра Михайловна отдает советской колонии. Рассказывает о несокрушимом оптимизме Владимира Ильича, который в самые черные дни реакции ни на секунду не сомневался в окончательной победе пролетарской революции, говорит о превосходстве советского духа, советского характера. На собраниях общества шведско-советской дружбы без устали разъясняет политику Советского Союза, отстаивающего дело мира в этой кровопролитной войне.

В одну из ноябрьских ночей 1942 года торжественно прозвучал голос советского радиодиктора. Мир узнал об окружении 300-тысячной немецко-фашистской армии у берегов Волги.

Вокруг Александры Михайловны собрались члены советской колонии. Взявшись за руки, они слушают сообщение, и глаза Александры Михайловны молодеют, светятся счастьем и гордостью.

— Ну вот, ну вот, дорогие товарищи, дождались мы с вами этого дня! Теперь все пойдет по-иному. Поздравляю вас с большой победой, дорогие мои.

В эту ночь большая витрина на Кунгсгатан была вдребезги разбита шведскими антифашистами и карта мира, испещренная свастикой, исчезла навсегда.

В эту ночь в советском полпредстве непрерывно звонил телефон: друзья поздравляли с победой. Горный советник Э. позвонил одним из первых. Он был в отличном настроении.

— Я думаю, мадам Коллонтай, не за горами то время, когда мы возобновим наши прерванные войной торговые отношения.

— Это должно быть теперь скоро, господин горный советник. Все добрые отношения будут восстановлены, — отвечает советский полпред.

А еще через несколько недель почтальон и курьер телеграфа едва успевали приносить поздравления Александре Михайловне Коллонтай, первой из женщин мира получившей ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

С. ОРЕШНИКОВ

Фото Ю. Кривоносова.

В редакции литературного журнала молодой поэт читал стихи. Перед обсуждением со скромной гордостью предупредил: таких ритмов еще никогда не было в русском стихосложении, все они только что им найдены, созданы.

И вот из задних рядов поднялся, попросил слова высокий, представительный человек лет пятидесяти. Аккуратно подстриженная борода, цепкий взгляд художника. Безукоризненный костюм, белоснежный воротничок, «бабочка»...

— Вы напрасно считаете себя первооткрывателем этих ритмов. Они уже не одну сотню лет бытуют в народном стихе. В былинах, старинах и даже в частушках...

Привел несколько примеров из Соболевского, Гильфердинга, Шейна и закончил:

— Стоит ли открывать Америку, когда она давным-давно открыта? Глубже, внимательнее изучайте народное поэтическое творчество. Это неиссякаемый кладезь ритмов!..

Его спросили:

— Простите, вы из какого журнала?

— Я не из журнала. Я председатель колхоза.

Присутствующие изумленно переглянулись.

В ДОЛИНЕ БЕРЕНДЕЕВ

Берендеево царство обступило, окутало тяжелыми, под снежным навалом еловыми лапами, оглушило звонкой тишиной, овеяло колким ветерком. И начало мерещиться: это где-то здесь, на поляне дремучего заповедного леса, державно шествовал со своей тяжелой палицей Дед Мороз, заливался колдовским хохотом Леший, резвилась Снегурочка. Близ этих мест когда-то жил и творил Александр Николаевич Островский.

Былое Берендеево царство...

А нынче здесь широко раскинулись владения костромского колхоза «Русь Советская». Его председатель Василий Адрианович Старостин стоит на коленях в розвальнях, привычно правит лошадью. Подняв воротник шубы, отдувается от встречного ветра. Вдруг резко натягивает вожжи, сбивает шапку-боярку со вспотевшего лба.

— Это— наше кукурузное поле. Выращиваем холодостойкие гибриды, выведенные Смирновым... Потом расскажу...

Показывает куда-то в сторону:

— Просеку видите? Колхоз электрифицируем. Таких просек у нас двадцать километров. Пять тысяч столбов ставим. Свет будет!

А пока... В сгустившихся сумерках мерцают редкие, тусклые огоньки. Деревушка Сергеево, председательская резиденция. Снежная глушь, безмолвие...

Необычная судьба у этого человека. Крестьянский сын из вятской деревни, окончил Московский университет, получил степень кандидата химических наук, читал лекции в высших учебных заведениях, готовил докторскую диссертацию. И вдруг беспартийный ученый поднялся по партийному призыву тридцатитысячником в колхоз. Что заставило его, человека семейного, променять в общем-то безмятежную академическую деятельность, городскую квартиру с удобствами на беспокойную председательскую жизнь, на бревенчатый уют в глухом селе?

Ответил скупо:

— Вы помните слова Саади о счастье оставить миру чекан души своей? Нечто подобное руководило и мной. Почему именно в колхоз, в сельское хозяйство? Потому что в наше время это — место решения многих проблем. Потому что здесь, как нигде, велика потребность в знающих людях... Без ложной скромности скажу: коечто знаю. Специальность? Физико-

Кукуруза на зерно выращена в колхозе «Русь Советская». Бригадир В. П. Киселев и звеньевая С. И. Волкова в зернохранилище.

АН ДУШИ

химик. Это для здешних мест полезно. Главная задача — повышать плодородие скудных, суглинистых почв. Работы непочатый край! Лишь бы... лишь бы не мешали...

Зажав бороду в кулак, молча зашагал из угла в угол.

С нравом независимым, порой строптивым, прямым до резкости, немало приходится переносить ему мелочных уколов, придирок, а иной раз и нелегких испытаний. Ведь есть еще люди, привыкшие стричь всех под одну и, надо сказать, весьма низкую гребенку, которые своей собственной меркой поверяют все живое многообразие чужих характеров, наклонностей, повадок. Иные прямо-таки испытывают благородное негодование, искреннюю горечь: как это, председатель захолустного колхоза — и вдруг кандидат наук, теоретические статьи пишет! Да еще и стихи сочиняет! А главное, решительно обо всем свое мнение имеет. Непорядок!..

А он не отступает, не сдается, хотя и нелегко ему приходится. Вот нынче рано поутру вернулся из Ленинграда. Выступал там, и как будто с немалым успехом, на защите докторской диссертации Смирнова. («Это тот самый, наш друг, кукурузник»). Присвоили! По пояс в снегу отшагал несколько километров в правление, побывал на фермах, честно отбыл районное совещание. («Много лишнего, ненужного говорим! Зря время теряем!») Только на часок прилег — телефонный звонок: машина вышла из строя, запасные части надо добывать. За первым — второй: требуется справка о наличии кормов. И так без конца. Где уж тут отдыхать! И засел за стол до позднего вечера... Лишь отголосили первые петухи, оконца еще смотрят кромешной тьмой, а за стеной уже снова тихонько постукивает машинка.

От элегантности, щеголеватости и следа не осталось. Настоящий мужик, со спутанной бородой, упавшими на лоб волосами. Чем-то схож с Васнецовым, недаром они земляки — «вятшие люди». Неслышно прохаживается в больших серых валенках, то и дело садится за машинку, печатает по нескольку абзацев. Протер усталые глаза, вопросительно поднял бороду.

— Что пишу? Статья. Журнал заказал. О кукурузе...

Но это не все. А люди? Народу в хозяйстве порядочно.

— Всяк молодец на свой образец,— усмехается Василий Адрианович. От дальнейших расспросов уклоняется.

...Года два назад бывшие местные руководители горько обидели председателя соседней артели Геннадия Геннадиевича Пакина: освободили от работы, исключили из партии. Впрочем, в партии вскорости восстановили. На этом и дело покончили. («Подумаешь, какие-то там переживания!») В эти переживания по-человечески вник Старостин, пригласил Пакина к себе заместителем. И сейчас говорит о нем с великим уважением:

— Безмерной преданности колхозу человек! Здоровьем слаб, а сил для работы не жалеет.

А вчера о нем самом рассказал маленький мужичок в огромной заячьей шапке:

— У нас, браток, председатель особенный!.. Не, я не о науке. Это — дело известное. А вот не курит, вина в рот не берет. Верь ты мне! Черного слова не употребляет. И от других того же требует. Строг! Да вот те пример. Сидит как-то в чайной один зряшный житель, пропойный человек. Конечно, перебрал, куражится, всякие выражения произносит. Василий Адрианыч со своим чаем в сторонке примостился. Сидит, вроде газетку читает. А тот, видно, еще подзаложил и, брат ты мой, воодушевился. «Имею,— говорит,— такое желание всем вам по ушам понакладать». А специалист по этому делу! Адрианыч спокойно сложил свою газетку и ему навстречу. Ну, думаем, не иначе встревать надо. А председатель только от нас отмахнулся. Не успели мы глазом моргнуть — пьянчужка уже в дверь сиганул, задом все ступеньки пересчитал. Значит, не выдержал! Конечно, авторитет, фигура, одна борода чего стоит! Но, браток, здесь и смелость нужна!..

Спросил я про то Василия Адриановича. Почему-то смутился, недовольно поморщился.

— Ну, было... Да это мелочь! Жизнь, люди не такие задачи ставят. Никаким опытом, образованием не отделаешься.

И без видимой связи, задумчиво:

— Помню, мать моя, неграмотная старушка Евдокия Мамонтовна, хороши слова молвила: ум без разума — беда.

ЖИВОЕ СЛОВО

На полках книжного шкафа — диссертация «Теория циклов идеальных и реальных теплохимических машин», труды по языкознанию, фольклористике. И по соседству — крупнозерные кукурузные початки. Знаменательное соседство!

На вопрос о початках, откуда они, отозвался с непонятной иронией:

— Конечно, «достал»! На Кубань за ними ездил! Зачем? Коллекцию собираю...

И уже серьезно:

— Шучу. Здесь выращены. Да, да, на этих кислых суглинистых почвах. При желании все можно!.. Почему такой тон, спрашиваете? Не от вас первого этот вопрос слышу. Много обещаем, да мало делаем, вот сами себе и удивляемся. Обещанка не данка, а дураку радость!

...Год назад случайно познакомился Василий Адрианович с селекционером — нынче уже доктором наук — из Кирова, Василием Григорьевичем Смирновым. Разговорились о холодостойких гибридах кукурузы, выведенных ученым. Высевать их можно при температуре почвы в 7—8 градусов, и дают они зерно полной спелости.

Костромского председателя, как говорится, хлебом не корми, только подкинь творческую мысль. Съездил в Киров, получил у Смирнова семена, уже ранней весной заложил опыт. В школьной тетради много записей. Первая: «17 апреля замочена кукуруза». Последняя: «28 августа снят початок с кукурузины, посаженной 7 мая». И расчеты, расчеты: поиски направления рядков, благоприятной температуры воздуха и почвы, дозировки удобрений...

...Как-то по осени появились в газете «Советская Россия» стихи Старостина о «травополке-пустополке». Помянули меткое слово «пустополка» и на XXII съезде партии.

Для Старостина кроется за этим словом не только большой смысл, но и годы раздумий, радостей и огорчений. Впрочем, пусть он сам расскажет об этом. Разговорная речь его, по-народному меткая, образная, пересыпанная послови-

Председатель колхоза «Русь Советская» Василий Адрианович Старостин.

На торфозаготовках.

цами, поговорками, присказками, поначалу непривычна — густа. Пишет же он еще «гуще».

— Пришел я в пятьдесят пятом году в колхоз, а травопольщина повсеместно коноводит. А сам я в сельском хозяйстве новичок... Колхоз мой был ох как плох. Наготы-босоты изувешаны шесты, пустом да нётом амбары полны. В одном мне повезло: пустопольных наук не проходил. Мое дело — физика, химия. Потому сразу и понял: с пуста не возьмешь густо. Принялся за землю: навоз коплю, минералку вожу, люпин на удобрение выращиваю. За четыре года урожайность заметно поднялась. Вызывают меня в область, говорят: «Напиши книжку о борьбе за урожай в вашем колхозе».

Долгая дума — лишняя скорбь. Я и не раздумывал. Набрался духу, улучил времянуху и засел. Тут начали меня травопольщики обхаживать. «Подведи да подведи,— говорят,— под книжку травопольную основу». От черта крестом, от медведя пестом, а от травопольщика ничем не отобьешься. Только думаю, читаю, изучаю, ищу. Жить не устать, было б что искать!

Книжку закончил. Приношу. Читайте! Читают, а у самих рожи по шестую пуговицу вытягиваются. И заморозили! Но я не смирился, не успокоился! Не потонишь за волосок — бороды не станет.

Проходило в ту пору областное совещание. Сижу, слушаю, думаю: «Эх, дивно дело — девятинского попа по плеши ударить!» И ударил по травополью одним только словечком. Что тут началось! И профессора, и кандидаты-хваты, и бумажные агрономы мечут громы. Тут-то на своей шкуре я и испытал поговорочку: «Сверху плевать легко, попробуй-ка снизу!»

Вернулся к себе. Подошел май прошлого года. Гляжу на пустотравье и думаю: перепахать! Начали перепахивать, а шуму еще больше: «Старостин Вильямса запахивает!»

Думали-думали мои «друзья» и удумали подобрать под Старостина уголовные ключики. Сказано — сделано. Прокурора в колхоз заслали. Только зря! Под осень большая поддержка пришла — решение Бюро ЦК по Российской Федерации с осуждением травопольной системы. Не я один его ждал, не я один и порадовался!..

Помолчал, трудно вздохнул:

— Вот какой смысл для меня это слово имеет!

КЛАДЕЗЬ НЕИССЯКАЕМЫЙ

На редкость чуток он к живой народной речи. Сегодня, радостно блестя глазами, сообщил:

— Статейка о нашем колхозе появилась в местной газете — вздорная, путаная...

— Чему же вы радуетесь?

— Я не о том. Прочла одна колхозница и припечатала: «Враница». Слышали словцо? Я тоже нет. А сколько таких слов рождается! Удивительно талантлив наш народ-словотворец!

Народной лексикой насквозь пронизано и литературное творчество Старостина. Оно очень разнообразно: поэзия и проза, песни и сказки, исследования о народном стихе.

...Еще одна ночь, звездная, студеная. Стекла затянуло морозным узорочьем. За стеной гулко стонут провода. Василий Адрианович в бодром, приподнятом настроении: «Сегодня обещали кормовых бобов и нас дать». Разбирает, просматривает рукописи. Вот подготовленный к печати капитальный труд — стихотворный свод былин об Илье Муромце. Вот сатирический памфлет «Как колхозника Федула траворолка надула». Сказка «Летучий корабль», готовящаяся к изданию в Костроме. А вот уже вышедшее в свет «Слово о Коловрате», прекрасно оформленное художником-палешанином М. Шемаровым.

Читает Старостин по-народному, нараспев:

Выходил Микула Селянинович.
Он пел, плясал, выкомаривал
И веселые слова приговаривал.
Под Микулой земля
содрогается,
На аршин под каблук
прогибается.
Из-под ног от сапог топоток,
стукоток
Частогудом, плясотой
вырывается.

Читает председатель колхоза свои произведения, и становятся понятными слова профессора Л. И. Тимофеева: «Василий Адрианович Старостин прекрасно владеет языком и стихом былины и шире — богатством фольклора, устной народной речи. Степень проникновения в былинный стиль такова, что собственные авторские речения в большинстве случаев весьма органично входят в традиционное повествование, образуя в языковом отношении целостный художественный сплав».

А затем до самого утра Василий Адрианович делится своими интереснейшими наблюдениями над народным стихосложением:

— Что такое стих? Для народа это песня. А если это так, у него должен быть напев. Есть ли он? Есть! Даже у самого маленького, самого крохотного поэтика есть свой или чужой, осознанный или неосознанный. И рождается напев еще раньше стиха и выводит за собой песню-стих...

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ

Бело-черный пейзаж с резкими контурами гравюры на дереве сегодня с утра размыло, замутило снежной круговертью.

Беседуем в машине: некогда рассиживаться! У Василия Адриановича множество дел в районном центре, в области. Озабоченный, часто на мгновение задумываясь, уходя в себя, говорит коротко, сухо:

— Объединились весной шестидесятого года. Раньше было пять колхозов. Сейчас только пашни четыре тысячи восемьсот гектаров. Трудности объединения? Немало их было! Мои колхозники получали в три-четыре раза больше. Куда это годится! Мы и поставили задачу — подтянуть всех до уровня «Руси». Источники? Лен, зерновые... Зайдем на минуту, здесь нужно насчет авансов договориться.

В конторе Островского льнозавода встретили неприветливо. Материалы к авансированию не подготовлены.

— Так обязательства у нас с вами взаимные? Мы все подготовили, а вы нет?

— Ну и что же?

Выйдя на улицу, председатель с горечью говорит:

— Видели? Куда ни ткнись, одно и то же! Сколько сил, нервов приходится тратить!..

Побывали в конторе «Заготмолоко» — и тут безуспешно: нужные люди куда-то отлучились. Лишь в районном отделении Госбанка Василий Адрианович облегченно вздохнул: удалось оформить, получить какие-то крайне необходимые деньги. Здесь же, в коридоре у подоконника, продолжаем разговор.

— Доходы? До объединения общий доход всех колхозов составлял два миллиона четыреста тысяч. За полтора года почти удвоили.

В коридоре душно, парко, толпятся люди. А председатель колхоза, скинув шубу, никого не замечая вокруг, увлеченно рассказывает:

— Мы новые приемы землепользования уже не один год рублем поверяем! В прошлом году в ивашевской бригаде — там хороший бригадир, Марина Волкова — лен по клеверищу дал шестьсот рублей с гектара, конечно, в новых ценах. А по люпину — полторы тысячи! Что же здесь еще доказывать?..

Побывали мы затем в райисполкоме, снова наведались в «Заготмолоко». А затем зазмеилась поземкой дорога на Кострому. Старостин возвращается к наболевшему:

— Пора, давно пора отказаться от канцелярских методов руководства сельским хозяйством! У нас со всеми этими чиновниками и язык-то разный. Не понимаем мы друг друга. А почему? Потому что за мной живые люди стоят, хозяйство со всеми его нуждами. За ними — параграф, мертвая буква.

...Возвращались мы домой поздно вечером, посетив добрый десяток областных учреждений. После каждого визита без слов, только по одному облику моего спутника можно было сразу понять, увенчались ли его дела успехом или наоборот. Чаще было «наоборот»...

Невольно вспомнились слова одного здешнего председателя колхоза о Старостине:

— Огромной энергии, пробивной силы человек! Когда он только спит? Взять, к примеру, семена. Узнал, где-то наряд не используется,— он тут как тут! А минеральные? Каким путем, неизвестно, а разузнает: где-нибудь на полустанке сульфат аммония, суперфосфат либо фосфоритная мука под дождем гибнет. Сейчас наряжает свои машины... Говорят некоторые: «Антигосударственная практика». А по мне, самая что ни на есть государственная!

* * *

Еще вчера оттепель мутила лесные дали изморозью, а нынче обледеница нарядила Берендеево царство в серебряный иней. Струится дорога среди густой снежной розвеси вековых берез.

...Что это так глубоко запало в душу, так неизгладимо врезалось в память? Ах, да! Древнее и вечно юное: «чекан души», души человеческой, ищущей и борющейся...

КРЕМЕНЬ И АТОМ

Виктор ЩЕПОТЕВ

Когда кремень к шершавой
палке
наш прародитель прикрепил,
как свой недавний
жребий жалкий
он осмеял
в избытке сил:
пусть
досаждают непогоды,
скупа удача,
случай слеп,—
но детям
у скупой природы
охотник
вырвал верный хлеб!

Он в богоборстве
лишь предтеча,
и подвиг,
им свершенный,
мал,
и он не знал,
что будет вечной
борьба,
в которую вступал,
и ликовал!..

А мы,
дробя наш атом,
скрóмны;
мы знаем:
это лишь зачин
работы
трудной
и огромной,
что не уложишь
в век один.

И все же,
как наш дальний предок,
душою
торжества полны,
и так же
радостью победы
освещены,
награждены.

Б. Вакс (Харьков). НА ЦЕЛИНЕ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Р. Ермолин (Сыктывкар). НАД ВЫЧЕГДОЙ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

У. Тансыкбаев (Ташкент). ЧИРЧИК У ХОДЖИКЕНТА.

ВОКРУГ НАС

Фото В. Джейранова.

Стеклянный теплоход

Маленький этот теплоход-катер ничем особым вроде бы не отличается. Он приятен внешне, комфортабелен, вместителен. И только. Но происхождение его необычно.

Мне довелось присутствовать при создании этого теплохода в Батуми, на судостроительном заводе. Несколько девушек стояли возле так называемой матрицы теплохода и быстро наклеивали на нее полотнища какого-то блестящего белого материала. Наклеят один слой — подождут, пока он подсохнет, и клеят на него другой. Так много раз...

Я потрогала этот материал. Он чем-то похож на шелковое пике, и директор завода Платон Иванович Джорбенадзе, между прочим, рассказал, как выклянчивали местные франты хоть немножко этого материала на рубашку. Они не знали, что прикосновение его к коже вызывает сильное раздражение. Ведь материал-то из стекла! Это так называемая стеклопластика. Необычные свойства материала — прочность, водонепроницаемость, легкость — подали батумским судостроителям мысль применить его в кораблестроении.

Сначала на заводе стали делать прогулочные шлюпки из стеклопластики. Такую шлюпку может свободно поднять и нести один человек. Естественно, что и катер — первенец «стеклофлотилии» на Куре, тоже очень легок, а следовательно, быстроходен.

Главное же — экономичность производства: сделали одну матрицу — и человек без всякой квалификации может выклеивать по ней десятки стереотипов, не боящихся никакой течи.

Кстати, здесь, на судостроительном заводе, мне показывали выклеенные таким же способом умывальные раковины из стеклопластики. Рабочие при мне швыряли их оземь. Они не бились.

И. МЕСХИ

АВТОМОБИЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ

Как рождаются машины? Бывает, например, так. Уже на первом году жизни самой любимой игрушкой мальчишки становится автомобиль. В школе любимое занятие — автокружок. Когда надо решать, кем быть, задумываться не приходится: ведь есть же техникумы, готовящие специалистов по эксплуатации автомобилей! И вот уже не заводная игрушка послушна окрепшим рукам, а настоящие машины: хочешь — грузовые, хочешь — легковые, на то и водительские права.

Так начиналась «автомобильная биография» Антса Сейлера. Однажды Антс попробовал сесть за руль мотоцикла, и сразу им овладел спортивный азарт! Он стал мотогонщиком. К тому времени Антс окончил техникум и стал работать в Министерстве автомобильного транспорта и шоссейных дорог ЭССР. В системе министерства есть авторемонтный завод № 1. Люди там работают интересные: Яан Кююнемяэ, например, не просто слесарь, а мастер спорта СССР, неоднократный чемпион республики и Советского Союза по мотоспорту; Рональд Круук и Арно Сыбер не чемпионы, зато знатоки токарного дела и автомобильных моторов.

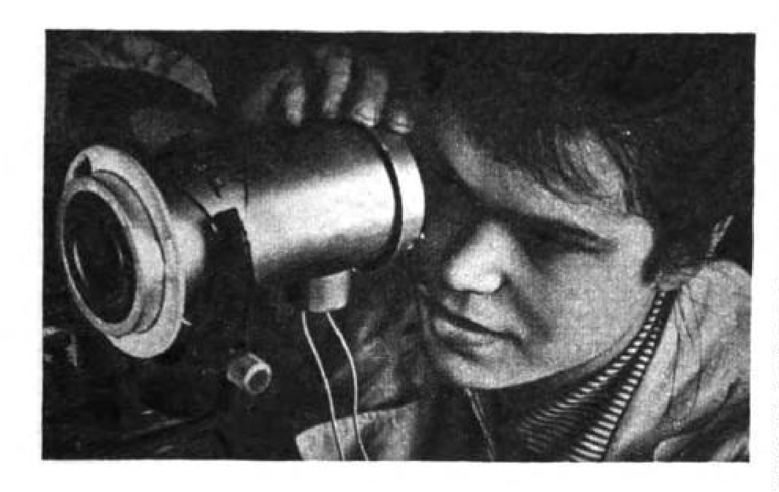
Антс Сейлер проверяет рулевое управление «Эстонии-3». Фото С. Розенфельда.

С декабря 1957 года, как только заканчивался в министерстве рабочий день, Антс Сейлер спешил на завод, к своим друзьям, и в опустевшем цехе снова раздавался звон инструментов. Четверо молодых людей, заполучив из директорского фонда материалы, создавали новую машину — гоночный спортивный автомобиль «Эстония-1». Путь ее не был устлан розами: в сентябре 1958 года на соревнованиях в Ленинграде автомобиль показал хорошую скорость, но врезался в дерево. Гонщик Антс Сейлер, по счастью, отделался легкими ушибами, автомобиль тоже не очень пострадал.

Пусть не без синяков и шишек, но главное было сделано: директор завода убедился, что материалы его фонда не пропали даром, а Антс Сейлер увидел, какие именно недостатки были у их самоделки. Теперь машиной занялись главный технолог завода Вяйно Паазик и конструктор Уно Аава. К 1959 году они вместе с Антсом построили еще две машины и втроем участвовали во всесоюзных соревнованиях в Минске. На машине «Эстония-3» Паазик занял третье место. Были еще соревнования, удачные и неудачные для гонщиков. Для машины же все были удачными — ее гоночные качества с каждым разом проявлялись больше и больше. Потому-то ДОСААФ СССР заказал Таллинскому авторемонтному заводу серию гоночных автомобилей, и теперь большинство автогонщиков Советского Союза тренируется и соревнуется на машинах, сделанных в Таллине.

Антс Сейлер — в 1961 году он стал мастером спорта — теперь работает на заводе, руководит бригадой, которая делает гоночные автомобили. Сейчас он раздумывает над тем, как уменьшить вес и увеличить скорость машин этого типа, а кроме того, проектирует новую машину.

Н. ХРАБРОВА

Электрические командиры

Автоматические линии, изготовляющие детали машин. Длинные пролеты прокатных цехов. Сложный цикл доменных печей. Шеренга вечно дымящих труб цементных заводов. Бесчисленные котлы фабрик, прачечных. Мигающие витрины магазинов. Трудно перечислить все области производства, где человек с помощью умных приборов командует сложными процессами. И все это приборы калужских мастеров.

...Сборочный цех завода «Калугаприбор». Более ста девушек и юношей в белых халатах собирают здесь деталь к детали, и постепенно металл оживает. Он воплощается в приборы.

Очень сложные, точные механизмы. Некоторые их части изготовляются под микроскопом.

Кропотлива работа сборщика. Вот сидит девушка за большим столом. Перед нею множество ручек, кнопок и приборов с беспокойными стрелками. Рабочее место градуировщицы комсомолки Аллы Беловой похоже на пульт управления или диспетчерскую большого завода. Алла как бы учит прибор говорить. Его язык — стрелка — может сказать: сто, двести, триста — и так до четырех тысяч градусов. Четыре тысячи градусов — вот какую температуру может измерить этот прибор.

М. САВИН

Сначала исправили насос...

В глубине двора зияла большая яма—бывший водосточный люк. Ребята, играя в футбол, то и дело спотыкались об острые края этой проклятой дыры, падали. Случалось, ушибались и взрослые. Однажды кто-то из жильцов вынес даже на обсуждение совета дома «вопрос о люке». «О-хо-хо! Тоже мне вопрос!» — усмехнулся член совета, бывший кузнец И. Гордеев. Вместе со своими соседями Ф. Решетниковым и В. Колесниковым Гордеев вооружился лопатой, молотком и направился прямо с собрания к люку. Дыру тщательно забили, засыпали землей, сровняли — и делу конец. Впрочем, не совсем конец. Прежде чем разойтись по домам, мужчины по-хозяйски обошли двор, посмотрели, где какие неполадки, договорились встретиться завтра после работы. На следующий день к этим троим присоединились еще несколько человек — слесари, столяры, электрики. Так образовалась ремонтная бригада дома № 54 по улице Чапаева в Баку. Возглавил ее рабочий-железнодорожник Аркадий Цалкович.

Сначала исправили насос, чтобы лучше подавал воду на верхний этаж, починили трубу за домом — она протекала уже несколько лет; натянули электропровода, что оборвались во время бури. Как-то на собрании жильцов Аркадий сказал:

— Товарищи, если в вашей квартире нужно подремонтировать что-нибудь, не стесняйтесь, скажите. Мы вам поможем.

После этого бригадир только успевал принимать заказы: у одного сорвалась дверь с петель, у другого рассохлась оконная фрамуга, третьему требовалось побелить потолки. Бригада работала безотказно. Действовала она не только по просьбам, но и по своему усмотрению. Однажды утром жильцы обнаружили, что все парадные двери капитально отремонтированы и заново выкрашены. В другой раз во дворе появились столы для настольных игр, а к ним скамейки — тоже дело рук славной бригады.

Теперь на воротах дома № 54 висит плакат: «Наш дом борется за коммунистический быт». И в свободное время каждый человек здесь бесплатно отдает свое умение, знания, опыт на общую пользу.

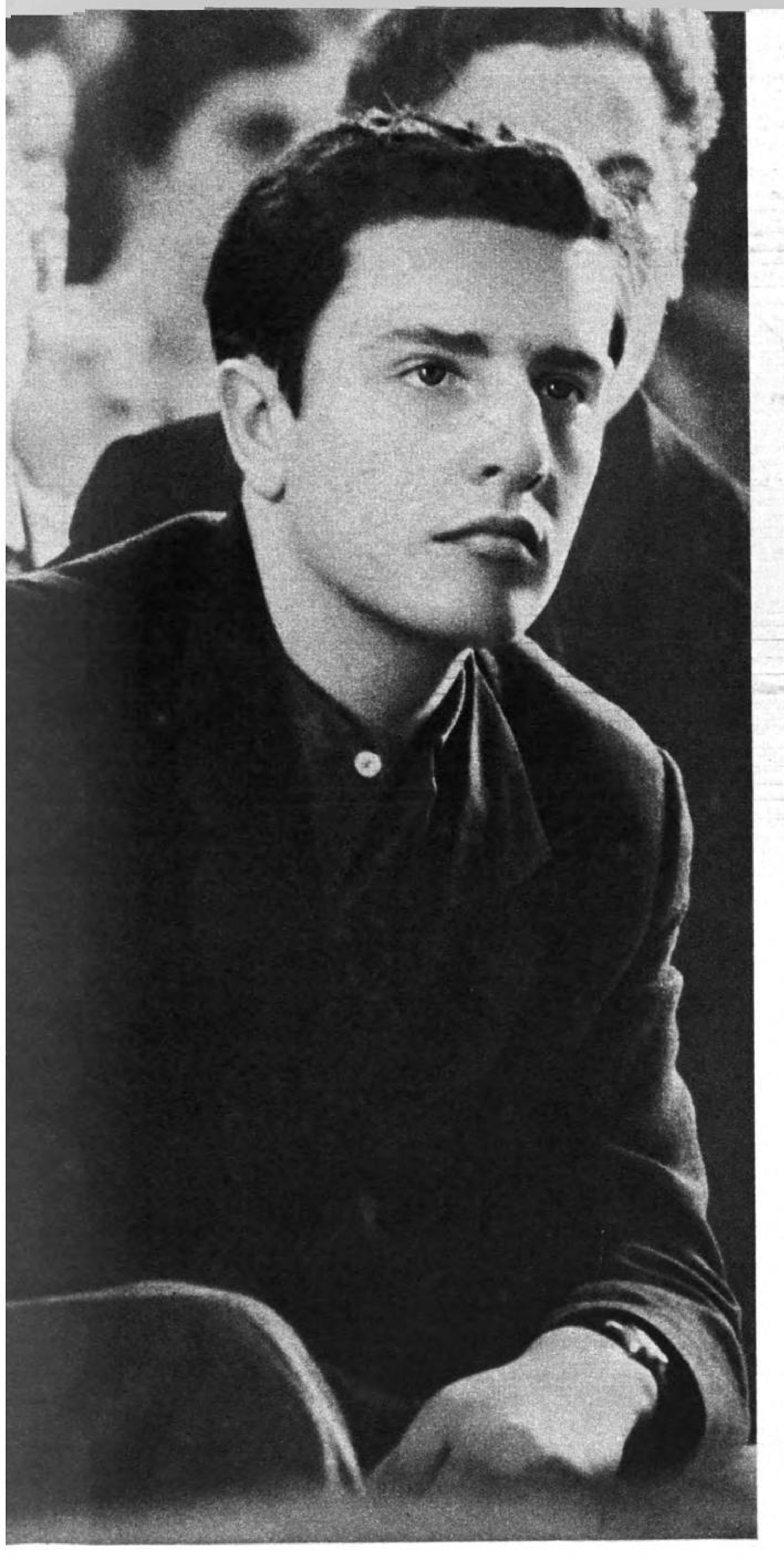
А. А. Васильев работал инженером-строителем. Старая профессия неожиданно пригодилась ему, теперь пенсионеру, на новом «посту» общественного председателя домового совета. Это по его чертежам во дворе возвели домик: здесь и агитпункт, и место для собраний, и зал с телевизором, и библиотека, и штаб детского лагеря. А. М. Чернобаева — экономист, но всему дому она известна еще и как мастерица по части кройки и шитья. Под ее руководством два раза в неделю занимаются соседки: кроят себе юбку, дочке блузку или сорочку мужу. Дочь А. М. Чернобаевой, Людмила, преподает по классу фортепьяно в детской музыкальной школе. После работы она собирает соседских ребят, тех, у кого хороший слух, и обучает их музыке. А Н. Г. Зейналова так искусно готовит самые разнообразные кушанья, что хозяйки со всего двора уговорили ее регулярно давать им уроки домоводства.

Пример взрослых понравился и ребятам. Они тоже решили научить своих сверстников тому, что умеют сами: Саша Агамов — выжигать по дереву, Юра Ретунский — плавать, Вова Гордеев — играть в футбол. Плясунья Таня Цимбал разучивает с подругами народные танцы, а ученик музыкального училища Игорь Кузнецов дирижирует целым дворовым оркестром.

А. БАСКИНА

Спортсмены-победители дома № 54. Фото Ф. Айвазова.

Продолжение. Начало на 1-й странице.

не отличаются от сотен, тысяч и даже миллионов своих сверстников и сверстниц, которые с неменьшим правом могли быть изображены в нашем фоторепортаже. Нам хотелось показать как бы обобщенный образ **Молодости** нашей, в сущности-то, очень еще молодой по возрасту страны, но успевшей так много испытать, пережить и так много сделать для всего человечества, и прежде всего — для юных, смелых, беспокойных, дерзающих.

На первой странице обложки журнала парень на трибуне, энергичноски воздевший руку, страстно зовущий, убеждающий, спорящий и, может, даже кого-то разящий огненным словом своим,— разве не ясно, что перед нами вожак, «комсомольский бог», как мы в шутку и не в шутку называем нередко таких вот горячих, таких вот убежденных, за которыми пойдешь в огонь и в воду — как в самом прямом, так и в переносном, более широком смысле. В годы войны такие вот первыми поднимались в атаку, вели за собою нас; теперь они возглавляют бригады коммунистического труда, боевые отряды, штурмующие целину в некогда безмолвных и бесплодных, полудиких и вовсе диких степях; таких ребят мы непременно увидим и на трибуне XIV съезда комсомола, увидим и услышим их громкий и гордый призыв, обращенный к многомиллионной армии молодых строителей Коммунизма.

Парни и девчата, веселые, хохочущие, счастливые (вы их видите на первых страницах нашего журнала),— где и по какому случаю собрались они вместе? И так ли уж это важно — где? Это могло быть и в заводском Доме культуры на концерте, и на встрече с каким-нибудь интересным и дорогим гостем, с одним из космонавтов, например: как известно, небесные эти братья сумели покорить мир не только своими бессмертными подвигами, но еще и тем, что они веселые, обаятельные хлопцы, умеющие сами хорошо пошутить и оценить хорошую, веселую улыбку других. Может, и в самом деле перед ними Юрий Гагарин, ровно год тому назад поднявшийся в немыслимую высь, чтобы на веки вечные прославить свое Отечество?.. По какому бы, однако, случаю ни собрались вместе эти юные и веселые, ясно одно: у нашей Молодости отличное настроение!

Молодость наша в иные минуты может быть мечтательно-задумчивой, особенно когда ее окружает мир прекрасного. Советская власть, партия наша позаботились о том, чтоб мир этот был доступен молодежи как один из самых драгоценных даров ре-

ЗНАКОМЬТЕС

Ь-МОЛОДОСТЬ!

волюции. Мир прекрасного — великое чистилище души человеческой — широко открылся перед нашей молодежью, которой суждено жить в Коммунизме, в самом гармоничном обществе, какое только знала история.

Общество это — не для праздных людей, конечно. Оно их отвергает, исключает самой своей сутью, предполагающей Труд как высшее благо, как высшее счастье, как высшее наслаждение свободного человека.

Человек прекрасен в труде. Не потому ли столь горда осанка этих четырех рабочих парней; не потому ли доброе и глубокое чувство вызывают у нас и этот юноша, склонившийся над учебниками, и этот молодой ученый у развешенных на доске схем и таблиц, и эти двое в лабораториях, и этот влюбленный, который ведет свою суженую полюбоваться родным, привычным и, может быть, самым прекрасным для него, рабочего человека, пейзажем, потому что

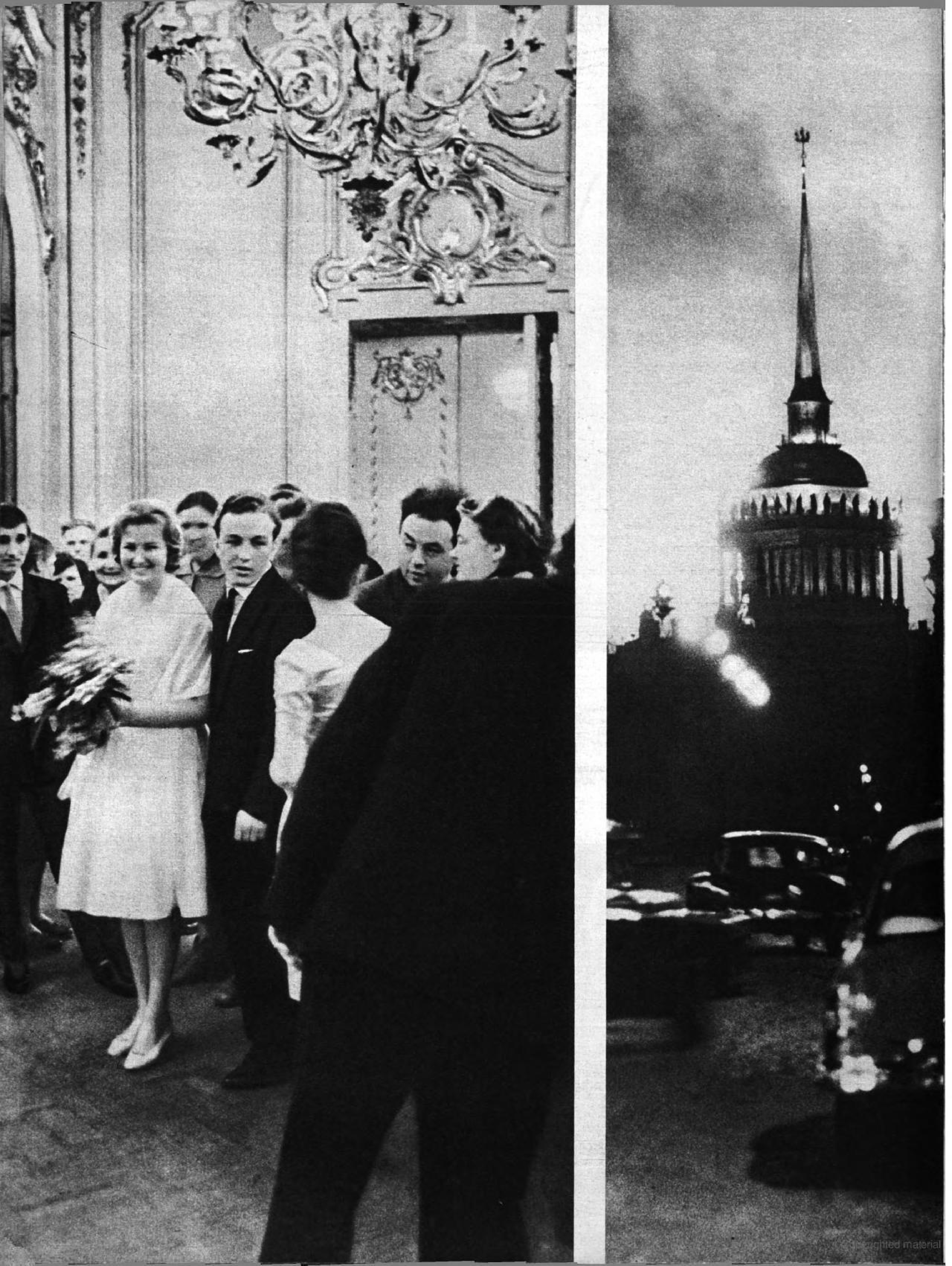
тут он трудится, тут он нашел свое место на той огромной строительной площадке, каковой предстает перед всем миром наша страна сегодня.

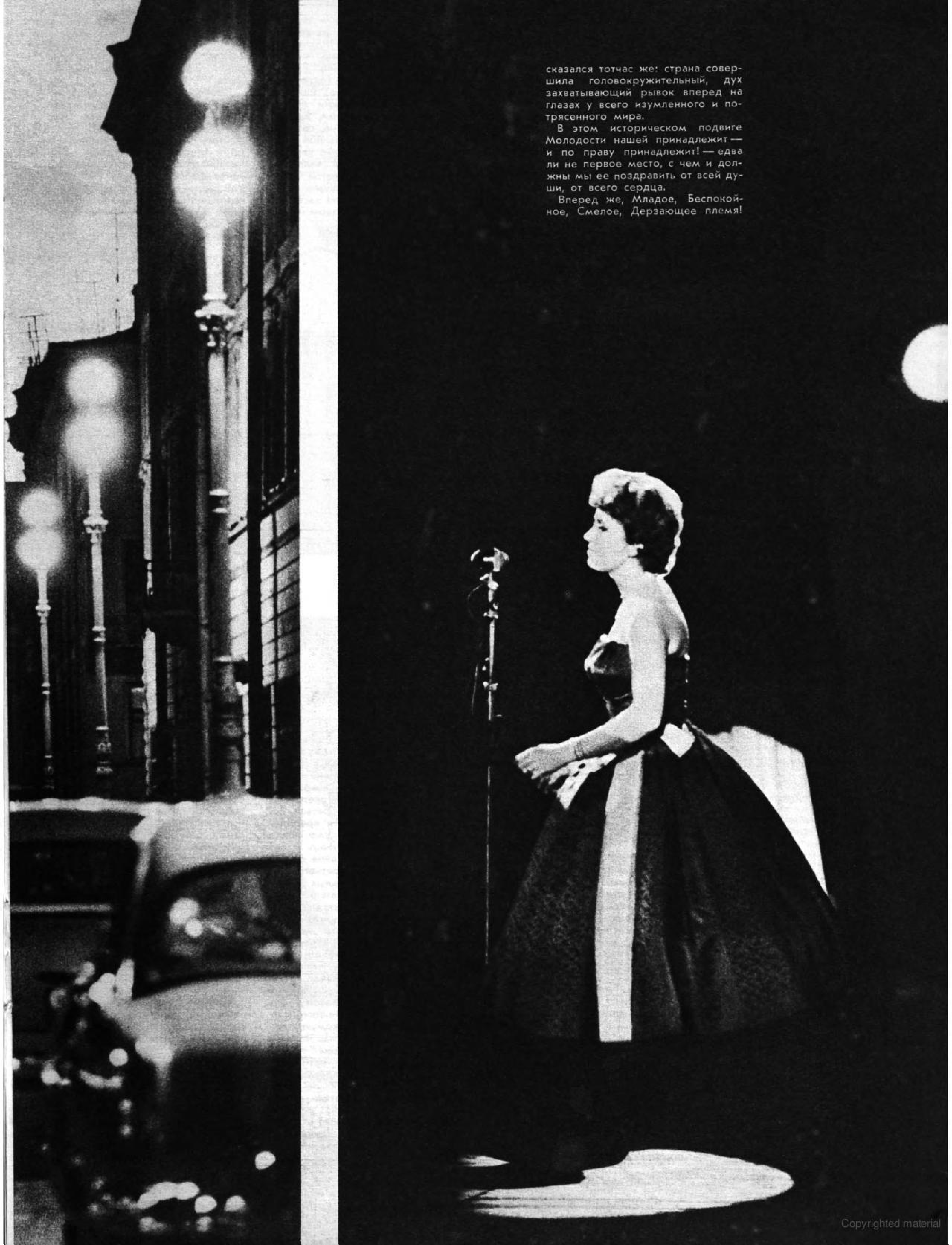
Вечер. Наступает воистину царство молодежи. Она заполняет клубы, стадионы, театры, парки. Молодость веселится бурно, потому что знает — хорошо потрудилась и имеет полное право на это веселье.

Человек рождается для счастья. За торжество этой, казалось бы, очень простой и непреложной истины на протяжении веков пролиты океаны крови лучших представителей рода человеческого. Льется эта кровь и сейчас. И все только потому, что кто-то и когда-то решил, что право на счастье имеет лишь тот, у кого полная мошна деньги, нажитой правдами и неправдами, преимущественно — неправдами. Революция наша нанесла первый сокрушительный удар по этой извечной вопиющей несправедливости. И результат

сказался тотчас же: страна совершила головокружительный, дух захватывающий рывок вперед на глазах у всего изумленного и потрясенного мира.

В этом историческом подвиге Молодости нашей принадлежит — и по праву принадлежит! — едва ли не первое место, с чем и должны мы ее поздравить от всей души, от всего сердца.

Вперед же, Младое, Беспокойное, Смелое, Дерзающее племя!

Виталий ГОРЯЕВ

Для того, чтобы освежить в памяти увиденное, я вытащил пачку открыток, купленных в различных городах США, и разложил их перед собой. На открытках дороги — прямые, перекрещивающиеся, завивающиеся, с веселой вереницей разноцветных автомобилей — и дома, бесконечные линии домов, то вытянувшиеся по обеим сторонам дорог, то охватывающие кольцом изумрудную гладь воды. Но, странное дело, я ведь все это видел, а тут вдруг нужно перевернуть тонкий листок картона, чтобы прочитать, где это снято. Набережную в Чикаго у озера Мичиган я почему-то спутал с пляжем в Лос-Анжелосе. Эти пейзажи никак не родственны и нисколько не похожи один на другой. Озеро Мичиган было серебристо-серого цвета, покрытое рябью, которую нагоняют постоянные северо-восточные ветры; в разноцветные дымы пароходов и доков врезаются контуры примыкающих к набережной небоскребов, небо серого оттенка, чаще пасмурное, чем солнечное. Тихий океан у пляжа Лос-Анжелоса ярко синь и обычно покрыт раскатистыми спокойными грядами прибоя. Высокие здания прибрежных отелей светлы по раскраске. Калифорнийское солнце считанные дни в году скрывается за облаками.

Но на лакированных открытках и море, и озеро, и небо, и розовые облачка были одного и того же заманчиво рекламного цвета.

Все показное дает неверное представление о настоящей жизни страны — в первую очередь рекламные проспекты, во вторую — все, что построено специально для туристов, и в третью — рассуждения гидов. Гид подробно описывает католический собор, довольно безвкусно смонтированный по образцу сразу двадцати европейских готических соборов. И уже совершенно захлебывается от восторга около особняков голливудских кинозвезд, где восточный стиль в невероятном сплаве со стеклянными панелями современной архитектуры создает уродливые гибриды, воздвигнутые излишне сговорчивыми архитекторами...

Когда-то мой учитель профессор Бруни обстоятельно записывал некоторые названия блюд, которые мы решили перепробовать в каком-то экзотическом ресторане. Когда я его спросил, зачем он это делает, он ответил: «Чтобы никогда уже не заказывать этой дряни». Я это вспомнил для того, чтобы поменьше доверяться рекомендациям гидов, а тем более лакированным открыткам.

Я не буду осуждать американского гида за то, что он стыдливо отворачивается, когда автобус проезжает мимо очереди безработных за даровой похлебкой у черного здания «Армии Спасения». В его обязанности входит не отвечать на вопросы, раскрывающие оборотную сторону американского образа жизни. Если он будет распространяться на эту тему, он просто окажется в той же очереди...

Нас интересуют настоящие ценности, по которым видно, как формировалась Америка и ее культура, а это, пожалуй, можно увидеть только самому и притом посвятив этому немало времени.

История американского искусства богата крупными личностями. Хотелось бы иметь о них цельное представление. В современном искусстве тоже есть большие художники. Но я тщетно искал зал какого-нибудь одного художника, допустим, Рефрежье, Кента, Хоппера, Сойера или Шана. Таких постоянных экспозиций в музеях нет. Я, дважды посетив США, еще не смог широко познакомиться с работами таких художников, как Бен Шан и Эдуард Хоппер.

Зайдя почти случайно в здание почтамта Сан-Франциско, я увидел длинную, метров шестидесяти, фреску Антона Рефрежье. Фреска в отдельных эпизодах рассказывает об истории Америки. Мне говорили, что ее, эту фреску, приходится защищать, чтобы не скололи. Нашлись влиятельные толкователи истории с новых позиций, и написанное их не устраивает.

Мне картины Рефрежье понравились. Там воспеваются былые демократические традиции, выразительны и героичны образы людей, благородны их поступки. Сравнение не в пользу нынешних политических капитанов.

За последнее время заметно выросло число художников, которые хотят своим творчеством дать оценку явлениям и событиям современности. Заметен отход от абстракции к образу. Брожение в среде художников старшего поколения, естественно, распространяется и на молодых. Хотелось бы рассказать о посещении двух учебных заведений Сан-Франциско.

В Сан-Франциско на одной из улочек, круто взбирающихся в гору, помещается художественная Академия. Пройдя по небольшому коридору, мы попали в квадратный дворик, расположенный в центре двухэтажного здания. Вдоль крытой галереи — двери в аудитории. В галерее развешаны поражающие — в первую очередь размером — абстрактные живописные полотна. Это или сочетание двух-трех красок (одно пятно обязательно черное), или свободное течение краски по наклону холста, в котором, как бы подхватывая это течение, создается подобие организованной формы. Редко в этой форме узнаешь силуэт, напоминающий человеческую фигуру или элементы пейзажа. В большинстве случаев нет и этого. В мастерских пол заставлен бесконечным количеством банок с красками.

В аудиториях довольно грязно, давно немытые большие окна, сквозь которые просто невозможно разглядеть, что делается на улице. Я пытался разобраться, какие же задачи ставятся преподавателями, хотя и сам уже понял по невозможности отличить работы первого года обучения от работ второго года и третьего, что никаких последовательных задач не ставится. Преподаватели целиком живут на деньги студентов, и неугодный педагог может быть изгнан. Студенты заняты модным «самовыражением». «Угодные» преподаватели чрезвычайно молоды.

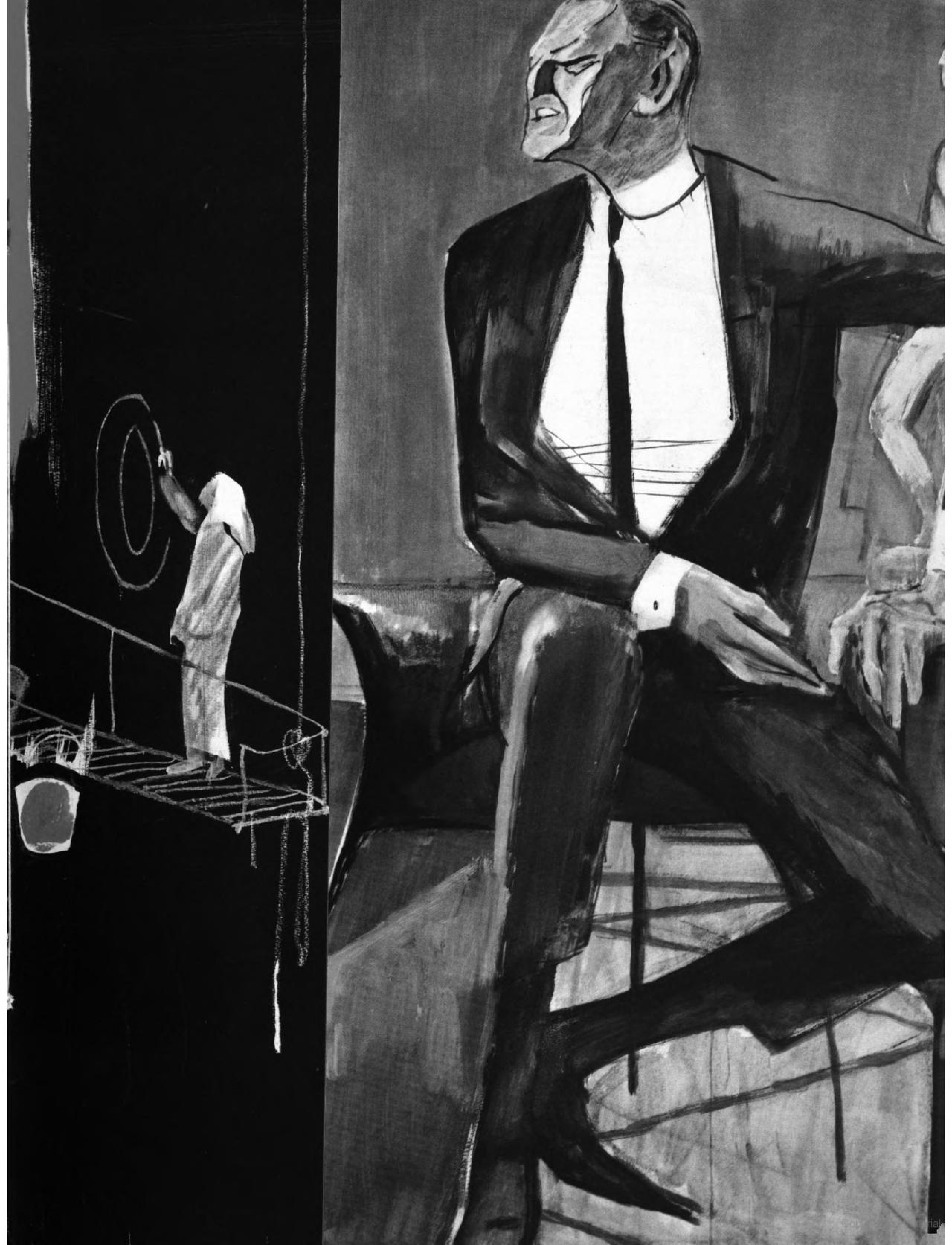
В Академии, как правило, учатся состоятельные люди. Многих пристроили сюда не потому, что у них есть талант, а для того, чтобы приспособить к какому-то делу. Сопровождавший нас старый художник, который сам учился здесь двадцать пять лет тому назад и позднее преподавал, сказал: «В мое время не было ничего похожего. Мы работали иначе. Посмотрите внимательно: роспись Диего Ривера. На фреске — портреты. Тут и я есть». Громадная стена здания была занята изображением того, как сам Диего Ривера расписывает стену. Сейчас эта фреска не пользуется особым вниманием студентов. А, на мой взгляд, это одно из лучших творений замечательного художника.

Как бы желая исправить создавшееся у нас не очень-то благоприятное впечатление, художник предложил поехать в другую художественную школу, где преподают он и его друзья. Машина опять карабкалась по крутым улочкам, потом небольшой спуск по другой стороне холма, и мы вошли в помещение школы. Было тихо. Налево, в небольшой комнате, несколько человек трудились над графическими композициями. Направо, в другой комнате, большая группа молодых людей рисовала обнаженную натурщицу. Рисовали энергично. У двух-трех студентов чувствовалась уверенная рука. Рядом с натурщицей большой белый экран с направленным на него квадратом волшебного фонаря. Сидящий сзади на возвышении старый педагог видит все рисунки, изредка он берет карандаш и на матовом стекле делает сам набросок фигуры, давая этим указания тому или иному из рисующих. Фонарь проектирует набросок на экран в размер позирующей фигуры. Хороший метод, которым следовало бы воспользоваться и в наших училищах.

Чтобы не мешать, мы ушли в небольшое кафе в глубине коридора. Там до окончания урока нам показывали диапозитивы работ калифорнийских художников, среди которых оказалось много хороших акварелистов. Окончились занятия, и кафе наполнилось преподавателями и студентами. Двухчасовой разговор прошел оживленно, быстро был найден общий язык. Мы ушли довольные, к радости сопровождавшего нас художника...

В. ГОРЯЕВ Из серии «АМЕРИКАНЦЫ У СЕБЯ ДОМА»

Когда-то еще Эдмон Гонкур написал в книге «Братья Земгано», характеризуя одного из героев: «Он был уверен в будущем, как американец». Видимо, эта черта характера была главенствующей для американцев того времени. Современный американец при всем видимом бодрячестве не тот привычный по классической литературе здоровяк-оптимист. Оболочка еще сохранилась. Искусство, однако, раскрывает внутреннее беспокойство. Распространенные в искусстве США сюрреализм и мистика — типичное проявление неуверенности души. К счастью, среди встречавшихся мне художников не было людей, зараженных этой болезнью, и я легко находил поддержку в своей оценке сюрреализма.

Много интересного в современной архитектуре Америки. В тесном Нью-Йорке архитекторы нашли остроумное решение для того, чтобы создать хотя бы впечатление воздушности и простора. Это сделано благодаря комбинации стекла и алюминия. Некоторый эффект простора достигается. Но нависающие над головой громады зданий не становятся от этого менее страшными.

Уолл-стрит упирается одним концом в готическую церковь. Когда-то она была воздвигнута посредине группы двухэтажных и одноэтажных домов. Возвышалась среди них, растворяясь острыми шпилями в небе. Дома вокруг сначала надстраивались, потом перестраивались, опять надстраивались и так далее. Сейчас идея стремления к богу как главная особенность готической архитектуры превратилась в злую иронию. Земные боги разместили свои банки вокруг небольшого храма и смотрят свысока на дом небесного бога.

В Бостоне и Филадельфии еще остались уютные зеленые улочки в староанглийском стиле. Узкие трех- и четырехэтажные дома, выходящие окнами на улицу, с ползущей по фасаду растительностью. В нижнем этаже вместо среднего окна — дверь, пять-шесть ступенек лестницы ведут на улицу. По обеим сторонам лестницы небольшие цветные газончики.

Зайдем внутрь одного из таких домов, в которых живут, как правило, состоятельные американцы. В нижнем этаже столовая и небольшая кухонька. Гостиная и узкая крутая деревянная лестница на второй этаж. Выше — спальня, рабочий кабинет, еще выше — детская комната. В таких домиках очень уютно. Но, вероятно, американцам надоело карабкаться в собственном доме по вертикали. И новые загородные дома в большинстве случаев одноэтажные и подчеркнуто горизонтальны по архитектуре.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о негритянском населении Америки. О сочетании непосредственности и невероятной талантливости, присущих неграм. Среди них есть чудом пробившиеся в большую жизнь ученые, писатели, художники, музыканты. Знаменитая негритянская певица Фицджеральд очень толста и некрасива. Она выступала на бархатно-черном бесконечном фоне, одетая в прямую белую рубашку с широкими рукавами. На сцене она стояла со скрещенными на груди руками и широко, по-мужски расставленными ногами. Она пела библейские песни, и более трагического звучания я не слыхал в жизни. Крупные слезы лились из больших глаз, которые то вдруг открывались, блистая желтоватыми белками, то опять закрывались.

Танцы негров всегда наполнены большим внутренним смыслом, и поэтому так естественно видеть в воскресный день людей, танцующих около своего дома и церкви. Непосредственность этих людей — одна из очаровательных черт, которая осталась в памяти как что-то неотъемлемое от образов Америки.

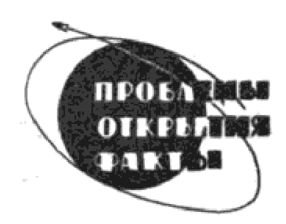
На аэродроме в Чикаго мне захотелось нарисовать негра, подметавшего окурки и бумажки, которые бросают на лакированный пол. Он был красив, в белой кепке и не совсем обычных тонких очках. Я попросил сидевшего рядом американца, который немного знал по-русски, уговорить негра попозировать мне две-три минуты. Сосед ответил: «А зачем? Вы соберите разный ненужный мусор из кармана и выбрасывайте его постепенно, он никуда не уйдет, будет подметать»...

На встрече с американскими художниками присутствовал один из лучших рисовальщиков США, негр Чарльз Уайт. Я до боли в сердце боялся какой-нибудь ничтожной бестактности по отношению к этому замечательному человеку. Этого не случилось, и я проникся доверием к тридцати присутствующим американцам. На вечере было сказано кем-то: «Здесь собрались люди, которые отвечают за американскую культуру». Многих из присутствующих не хотела признавать буржуазная печать, но они мало обращали внимания на это. Они верят в будущее. А я поверил им.

О судьбах культуры Америки задумались и некоторые видные представители деловых кругов. К их голосу прислушиваются, и им уже удалось немало сделать для расширения культурных связей с Советским Союзом. Мне хочется познакомить вас с изображенным на развороте журнала респектабельным капиталистом Робертом Доулингом. Рисунок к этому портрету я сделал в его доме-музее на Медисон-авеню. Энергичный, волевой человек рассказывал нам о начатом им строительстве первого стабильного театра в США. Он сказал, что хотел бы, чтобы советские артисты часто выступали в этом театре и чувствовали себя здесь как на своей сцене.

Сейчас я думаю о многих хороших людях Америки, с которыми хочется дружить. В Чикаго перед дверью одной квартиры была в беспорядке навалена уличная детская обувь. Башмаки разных размеров — и на случай дождя и если на дворе снег и стужа. На двери был прикреплен детский рисунок — голубь, солнце, цветок и слово, написанное большими буквами: «МИР». А за дверью нас встретила симпатичная пара супругов, которых окружали мальчик и две девочки, уже одетые в ночные пижамы. Девочка пропела нам песенку, сочиненную школьниками на музыку финского композитора Сибелиуса, слова призывали к дружбе с советскими ребятами. После этого мама отослала детей спать, а мы беседовали до глубокой ночи.

Как бы хотелось, чтобы наши дети — и советские, и американские, и всего мира — могли спать спокойно!

ПРИРУЧЕНИЕ НЕЙТРОНА

Весеннее солнце заглядывало в стрельчатые окна средневекового зала, где ученые в мантиях слушали доклад сорокалетнего физика Джеймса Чедвика. Это было 28 апреля 1932 года на заседании Лондонского королевского общества. Доклад был посвящен открытию нейтрона.

...Этому дню предшествовали месяцы и годы поисков решения загадки радиоактивного распада и нового таинственного излучения, обнаруженного в 1930 году при бомбардировке бериллия альфа-частицами. Супруги Жолио-Кюри открыли у излучения еще более загадочное свойство — необычайно усиливать ток в камере Вильсона. Попытки многих физиков истолковать явление как мощный поток гамма-лучей приводили к ряду неразрешимых противоречий, к нарушению закона сохранения энергии.

Джеймс Чедвик проделал огромное количество опытов, чтобы разгадать физический смысл странного явления. Он считал себя обязанным добиться разгадки. Ведь его учителем был Эрнест Резерфорд — автор планетарной системы атома, открывший протон и впервые расщепивший атом. Резерфорд увлек Чедвика на путь исследований атомного ядра.

После многих попыток ученому удалось сконструировать установку, которая помогла ему объяснить странное явление.

В установке Чедвика наблюдалась интересная эстафета: источник альфа-лучей — радиоактивный элемент полоний — выбрасывал положительно заряженное ядро гелия. Это ядро врывалось в пластинку бериллия и выбивало частицу с нейтральным зарядом. У нейтральной частицы оказались необычные свойства: она пронизывала толстые листы свинца, странствовала по воздуху, а попадая, например, в парафин, сталкивалась со своим собратом протоном почти одинаковой с ней массы и отдавала ему половину своей энергии. Наконец-то стало понятным, почему протоны, вылетавшие из парафина, обладают такими огромными скоростями.

Обо всем этом и доложил ученый ровно тридцать лет тому назад на заседании Лондонского королевского общества. Новая частица была названа нейтроном...

Дальнейшая судьба нейтрона оказалась насыщенной драматическими событиями. Он явился наилучшим «инструментом» для расщепления атомного ядра и стал основным действующим лицом при создании атомного оружия. Но против такого использования нейтрона восстало все прогрессивное человечество и прежде всего сами ученые-атомники.

Люди всех стран верят, что воля народов к миру и миролюбивая политика Советского правительства, предложившего проект полного разоружения и ликвидации ядерных боеприпасов, отведут угрозу войны и направят энергию нейтронов только на пользу людям. Нейтроны трудятся у нас во многих установках: на атомных электростанциях, на ледоколе «Ленин», в устройствах автоматики, в геологической разведке и сельском хозяйстве. Нейтроны уничтожают вредителей сельского хозяйства, предохраняют от прорастания картофель и зерно в хранилищах. Прирученные нейтроны стерилизуют пищу, лекарства, при их помощи получают радиоактивные изотопы. Они прочно вошли в мирный арсенал медицины: нейтронные потоки применяются при лечении опухолей головного мозга.

Мало кому удавалось всего лишь «в тридцатилетнем возрасте» достигнуть такой популярности!

С. ШЕБАЛИН

Чемпион среди овощей

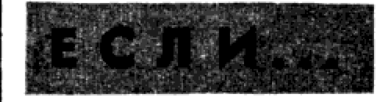
Любимым лакомством гномов — сказочных лесных человечков — считалась морковь. Существовало даже поверье: если вечером отнести в лес тарелку с морковью, то ночью гномы съедят любимое лакомство и заплатят за него чистым золотом.

— Как ни удивительно, но морковь стоит этого,— подтвердила молодой ученый Галина Яковлевна Исаева, работающая над проблемой витаминизации молока для грудных детей.— Ведь по ассортименту витаминов морковь является своего рода «чемпионом» среди овощей. И не только овощей! В сравнении с молоком морковь содержит витамина «С» в четыре, а провитамина «А» в шестьдесят раз больше!

Галина Яковлевна предложила витаминизировать молоко, добавляя в него экстракт морковного сока. Такое «морковное молоко» вкусно и особенно полезно малышам.

Обычные экстракты со временем теряют свои витаминные свойства, а вновь полученный, морковный, выдерживает длительное хранение. Это открывает возможность доставлять поливитаминный экстракт в самые труднодоступные районы страны.

В. ГУКОВ

ЕСЛИ добиться повышения сахаристости сахарной свеклы только на одну десятую долю процента, то при существующих урожаях страна может получить дополнительно 3—4 миллиона пудов сахара. Как нам сообщил академик ВАСХНИЛ Аведикт Лукьянович Мазлумов, опыты ученых открывают возможности увеличения сахаристости свеклы даже на два процента и больше.

ЕСЛИ на колхозных и совхозных полях использовать двухдисковый высевающий аппарат, предназначенный для навесной сеялки, то станет возможным одновременно и сеять кукурузу и вносить в почву гранулированные удобрения. Кроме того, новый аппарат сможет высевать в одно гнездо кукурузу двух сортов: скороспелого и позднеспелого.

Скоро этот агрегат, созданный в Научно-исследовательском институте сельского хозяйства центральных районов нечерноземной зоны, поступит в серийное производство.

Запретн

Анатолий КАЛИНИН

Роман

Ехать так ехать. Не нужно долго собираться, незачем и откладывать поездку на завтра. Если выехать сразу же, к вечеру уже можно успеть в станицу. Из того, что Греков помнил о Приваловской еще с давних лет, больше всего осталось в его памяти, что люди там жили на редкость дружно, спаянно, держались двор за двор, человек за человека. И вступать в колхоз не спешили, выжидали дольше многих других станиц и хуторов, но зато, когда подались, на колченогом столике в сельсовете за три дня выросла копна заявлений вровень с шапкой председателя.

За двадцать лет, конечно, многое должно было измениться и в жизни станицы и в характерах ее людей. Но в то, что все нравы и обычаи неузнаваемо изменились за этот срок, он не особенно верил. И, собираясь в станицу, он вовсе не надеялся, что достаточно ему только туда приехать, и все решится само собой. Скорее все будет обстоять далеко не так просто, как об этом думает Автономов.

Неплохо было бы прихватить с собой и еще кого-нибудь из надежных людей. Еще лучше, если это будет человек расторопный, молодой, чтобы можно было с легким сердцем использовать его и для оперативных поручений, для связи. К тому же кто-то должен суметь найти общий язык со станичной молодежью, от которой будет зависеть очень многое. У Грекова в избытке будет хлопот с людьми закоренелыми, теми, кто постарше.

И он стал срочно искать Федора Сорокина, чтобы узнать, кого из комсомольцев, лучше всего из членов комитета, он сможет выделить ему в помощь без ущерба для дела. В комитете, куда он позвонил, Федора не оказалось, а из диспетчерской чей-то громоподобный бас вместо Тамары Черновой ответил:

— Никакого Сорокина здесь нет. И Чернова сегодня не работает.

— А это кто говорит?

— Это не имеет значения,— ответил незнакомый Грекову голос.

Странно: в эти часы Чернова обычно дежурила на плотине. Но возможно, что теперь она дежурит в другой смене. И он решил сходить в мужское общежитие в надежде найти там Федора.

В темном коридоре общежития он наткнулся на три или четыре фигуры, испуганно шарахнувшиеся при его появлении от двери комнаты, в которой жили Федор, Игорь и Вадим. Привыкая к темноте, Греков узнал обеих Фиалок и секретаря-машинистку политотдела Люсю, которая от стыда отвернулась от него, закрывая лицо руками.

Из-за двери комнаты доносились в коридор возбужденные голоса, а девушки, стоя у двери, явно подслушивали.

— И вам не стыдно? — с наигранной суровостью накинулся на них Греков.

Кроме Люси, отвернулась от него, пряча багровое лицо, и Просто Фиалка, и лишь Ночная Фиалка мужественно встретила его взгляд и даже предупреждающе приложила палец к губам:

— Тсс, Василий Гаврилович, тише!..

— Что здесь происходит? — с недоумением спросил Греков.

Тогда Ночная Фиалка вплотную приблизила к нему в полутьме коридора лицо и, оглядываясь на дверь, звенящим шепотом спросила:

— Вы ничего не знаете?

— А что я должен знать?

Ночная Фиалка еще больше приблизилась к нему и, приподнимаясь на цыпочки, горячо задышала прямо в ухо:

— Там у них, Василий Гаврилович, такое идет... С самого утра. Вадиму показалось, что Тамара ездила с Гамзиным на катере на прогулку по Дону.

— Не показалось, а он видел это своими глазами,— осмелев и тоже приближаясь к Грекову, уточнила Просто Фиалка.

Ночная Фиалка отмахнулась от нее:

— Помолчи. Он говорит, что видел это своими глазами.

Теперь уже расхрабрилась и Люся:

— И сказал об этом Игорю, а Игорь ни за что не хочет верить.

— Ну и дурак! — громко заключила Просто Фиалка.

Ее ночная тезка прикрикнула на нее:

— Тише! Ну и теперь у них с самого утра идет бой. Слышите? Это Вадим.

Теперь и Греков слышал:

— Телок ты, Игорь, вот ты кто! Слепец! — яростно кричал за дверью голос Вадима.

— Что же теперь, Василий Гаврилович, будет? — плаксиво спросила Люся.— И Игоря, дурака, жалко и Тамару.

— Что бы там ни было, а подглядывать в замочные скважины очень стыдно,— сказал Греков и потянул к себе за ручку дверь.

Девушки, боясь разоблачения, стайкой шарахнулись от двери в глубь коридора.

За все время, сколько ни бывал Греков в этой холостяцкой комнате мужского общежития, еще никогда не заставал он ее в таком разгромленном виде. Круглый купленный в складчину будильник на столе показывал двенадцать часов, а все кровати в комнате оставались неубранными. Пол усеяли обгорелые спички, и всюду: на столе, на подоконнике, на смятых подушках — валялись надкушенные и недоеденные яблоки. В кадушке с китайской розой, о которой всегда заботился лично Федор Сорокин: поливал ее и срезывал с нее мертвые листья,— кто-то построил целый частокол из окурков.

И сами обитатели комнаты к этому времени еще не были одеты. Игорь Матвеев в трусах и в майке сидел на стуле, а Вадим Зверев в одних трусах стоял перед ним, яростно грыз яблоко и прокурорски потрясал указательным пальцем.

Но самое странное заключалось в том, что тот самый Федор Сорокин, который обычно сам с бригадой легкой кавалерии проверял чистоту и порядок в общежитиях молодежи и за каждый брошенный на пол окурок без всякого снисхождения пригвождал виновного к позорному столбу, этот самый Федор Сорокин был теперь совершенно равнодушен к разгрому в комнате и даже чувствовал себя среди него, как рыба в воде. Правда, из всех троих товарищей он один успел одеться, а на остальное у него, как видно, не хватило времени, так он и остался сидеть на кровати с непричесанным русым хохолком, застигнутый спором. С возрастающим удивлением Греков увидел, что Федор-то и курил в комнате и втыкал окурки в кадушку своей любимой китайской розы.

Дым ручьем вытягивался из открытой форточки на улицу. Увидев Грекова в дверях, Федор сумрачно кивнул ему, указывая глазами на свободный стул. Остальные ребята не обратили на приход Грекова ни малейшего внимания.

Игорь в позе подсудимого, с головой еще более кудрявой после сна, сидел посреди комнаты на стуле, положив на колени руки, а Вадим в одних трусах, с белыми, ничуть не тронутыми загаром грудью и ногами, стоял перед ним и произносил обвинительную речь.

— Может быть, тебе недостаточно и этих фактов? — уничтожающим тоном спрашивал он у Игоря. В одной руке Вадим держал надкушенную симиренку, а другой, с вытянутым вперед указательным пальцем, пригвождал Игоря к месту. Длинный, косо срезанный чуб, падая Вадиму на лоб, то и дело закрывал ему глаз, и, встряхивая головой, он раздувал ноздри узкого хрящеватого носа.— Я тебе русским языком говорю: видел своими глазами. Сдаю в пять часов утра смену, а Гамзин сводит ее под локоток с катера. Рандеву в открытом море. Все ребята видели. Спроси у Федора, он тоже видел.

— А для комсомольской экскурсии катер не дал,— заметил Федор.

— Какие еще могут быть факты?!

Каждый по-своему выражает свои чувства. Вадим бросил на кровать яблоко, схватил из кулька на столе новое и вонзился в него зубами так, что сок брызнул во все стороны и прямо в глаза Игорю. Игорь заморгал глазами.

— Ему, Федор, на мнение своих товарищей начхать. Все они, видите ли, сговорились их разлучить, разбить их счастье. Там он верит, как младенец, каждому слову, а тут уперся, как бык, и ему подавай еще какие-то факты. Скажи ему, Федор, что он просто-напросто юбочник и шляпа.

Но Федор ограничился всего лишь коротким замечанием в адрес Гамзина:

— Сволочь, распоряжается государственным катером, как своим собственным!

— И кем же я после всего этого должен, по-твоему, ее считать? Хочешь, я сам тебе скажу, кем? Хочешь?

— Вадим!

Это тихо произнес Игорь, оставаясь сидеть с низко опущенной головой на стуле.

— Ну, Вадим! Ну что, Вадим?! Я ровно через три дня уже буду двадцать три года как Вадим. И что?

— Вадим,— поднимая голову и взглядывая на товарища совсем не свойственным ему су-

Окончание. См. «Огонек» №№ 9—14.

аяЗона

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ровым взглядом, сказал Игорь.— Обо мне ты можешь все что угодно говорить, но если ты еще хоть раз скажешь о ней...

— Вот как?! Интересно. А если я так о ней думаю?! Кто мне может запретить о ней так думать?— с едкой иронией спросил Вадим Зверев.

— Я.

Тут Игорь встал и, сжимая кулаки, подошел к Вадиму. Никогда не предполагал Греков, что это юное, наивное лицо может быть таким суровым. И его мечтательные, девичьи глаза на этот раз не обещали Вадиму ничего хорошего. Федор Сорокин на всякий случай встал и остановился между товарищами. Не только как их товарищ, но и как секретарь комитета, он считал своей святой обязанностью в зародыше пресечь драку. Он не задумался бы применить для этого самые крутые меры. Уже и хохолок у него зашевелился. Петушок, как его звали девчата, рвался в бой. И, похоже, он остался разочарованным, что его вмешательство оказалось излишним. Вероятно, и на Вадима такая резкая перемена в облике Игоря произвела впечатление.

— Ну и черт с тобой! — с сожалением и с презрением в голосе бросил в лицо ему Вадим, быстро лег на свою кровать и отвернулся лицом к стенке.

Греков решил, что теперь и он может заявить о своем присутствии.

— Здравствуйте, ребята,— сказал он спокойно, как будто он только что вошел в их комнату.

И никто из них не счел фальшивыми его слова. Игорь коротко кивнул ему, Вадим опять повернулся и свесил ноги с кровати, а Федор даже протянул ему руку.

— А я зашел к вам посоветоваться,— сказал Греков.— Конечно, в первую очередь к тебе, Федор, как к секретарю комитета. Дело в том, что мне сегодня предстоит срочная поездка в одну из станиц — в Приваловскую. Может быть, на неделю, а возможно, и на весь месяц. Как вы можете догадаться, эта станица первой оказывается под угрозой воды. И вот мне там может понадобиться помощник. Конечно, желательно из активных комсомольцев, может, даже из членов вашего комитета. И, конечно, не в ущерб основному делу. Кого бы ты мне мог, Федор, порекомендовать?

— Кого?

Признаться, этот вопрос застал Федора совсем врасплох. Не такие мысли роились в данную минуту у него в голове, и рука Федора непроизвольно потянулась взъерошить хохолок. Но на то он был и секретарем комитета, чтобы принимать оперативные решения в любой, самой неожиданной обстановке.

— Кого? — переспросил он, и вдруг взгляд его упал на Игоря, который опять отошел в сторону и сел на стул, опустив голову. Глаза у Федора блеснули.— Да вот хотя бы его, Матвеева.

Поднимая голову, Игорь недоумевающе взглянул на Федора, а Вадим тоже бросил на него взгляд, как на сумасшедшего.

— Меня? — с тупым удивлением спросил Игорь.

— Ну да, тебя. Ты как раз теперь будешь свободен, твой кран становится на размонтировку, а мы с Вадимом за этим делом присмотрим. Ведь правда, Вадим, присмотрим?

Вадим безнадежно махнул рукой.

— Валяй, Федор, валяй.

— Ну, вот видишь, Игорь, ничто тебе не мешает ехать.

До Игоря, видимо, с величайшим трудом доходил смысл его слов, потому что он глухо переспросил:

— Ехать? Куда, Федор, мне нужно ехать?

— Как куда? В станицу Приваловскую. Ты же слышал, что Василий Гаврилович говорил. Вода начинает заполнять пойму, а казаки, как видно, не очень спешат переселяться, и надо, как я понимаю, соответствующим образом на них повлиять. В том числе и на колхозную молодежь. Тебе, Игорь, от имени комитета доверяется большое и почетное дело. Так, Василий Гаврилович, это надо понимать?

Сдерживая улыбку, Греков подтвердил:

— Так, Федор, только так.

— Ну вот, и Василий Гаврилович говорит. Как я понимаю, это вопрос смычки города и деревни, союза рабочего класса и нашего колхозного крестьянства. Ответственнейшее поручение, а ты, Игорь,— член комитета. Смотри, чтобы оказался на высоте. Как, Василий Гаврилович, устраивает вас эта кандидатура? — И, переведя дух, Федор торжествующе взглянул на Грекова.

Ох и Федор Сорокин, ох и секретарь комитета! Греков встретился с ним взглядом, и они полностью поняли друг друга.

— Устраивает вполне.— И, чтобы не затягивать дальше этот разговор, он тут же взялся за ручку двери.— Ну, значит, через полчаса я заезжаю за тобой, Игорь, а вы помогите ему к этому времени собраться. Какой-нибудь чемоданишко, две-три смены белья — и все сборы. Полчаса на это достаточно будет? Хватит?

— Хватит, Василий Гаврилович, хватит,— заверил его Федор.

Когда Греков открыл дверь в коридор, три тоненькие фигурки шарахнулись от него в полутьму и дробно застучали по дощатому полу и дальше по ступенькам лестницы каблучками.

Позади осталась плотина. Вскоре ее гребешок уже казался тоненьким голубым лезвием, перечеркнувшим пойму, а на самом острие этого лезвия, как большие дрофы, двигались краны. Издали, когда они сдвигались, казалось, что дрофы шепчутся.

Всю дорогу Игорь молчал, взглядом провожая из дальнего угла кабины желтые пески и стерни. И с таким вниманием он рассматривал каждый кустик, каждый самый ничтожный предмет в степи, что Греков очень скоро перестал заблуждаться. Так не смотрят, когда хотят что-нибудь увидеть. Смотрел Игорь на дорогу и по сторонам от нее, а всматривался во что-то внутри себя. Еще никогда черты его доброго лица не были такими черствыми.

Видимо, без разочарований не мужает ни один человек. И, поглядывая с сочувствием на Игоря, думал Греков, что это еще полбеды, если разочарования приходят, когда у человека в запасе целая вечность, вся жизнь. Труднее справляться с разочарованиями, когда полжизни уже за плечами.

Внезапно он почувствовал, как отравленная игла вошла ему в сердце. Впервые за все одиннадцать лет жизни с Валентиной Ивановной он уехал из дому, так и не объяснившись с нею, а в сущности, и не попрощавшись. Он даже рад был тому, что, забежав перед отъездом домой, не застал ее. Ему легче было снять трубку и сказать ей по телефону, что он уезжает в командировку, и попросить ее поцеловать за него Таню.

Дорога долго бежала вдоль стенки мелкого, загущенного подсолнуха. Он уже отцветал, ветер подхватывал желтые лепестки, и они, как стайки золотистых птиц, то перепархивали над самой землей с места на место, то взвивались и начинали кружиться над дорогой, пылая в лучах солнца.

Вскоре опять справа от дороги, внизу, стало проблескивать между буграми плечо Дона. Широко обнимая подошву правобережной степи, он отделял ее от низменной поймы. Уже и после второго укоса застоговали сено на заливных лугах. Как будто кем-то разбросаны были по всему задонью большие серые шапки.

Часа через три подъехали к станице. Уже на самом съезде в нее с горы, там, где в пыльную речку дороги ручейком вливалась натоптанная через балку из садов тропинка, машина догнала женщину в синей кофте с зеленой охапкой на плече. Она неторопливо сошла на обочину, пропуская машину. Проезжая, Греков успел увидеть сузившиеся темные глаза на лице, охваченном белым платком.

Греков подумал, что он может кое-что узнать у этой местной женщины. Во всяком случае, установить, живы ли еще те самые люди, с кем он хотел встретиться здесь в первую очередь. Двадцать лет прошло, одна война внесла много перемен в жизнь людей, можно было ожидать и самое худшее. И как-то нехорошо будет узнать об этом уже на пороге того дома, куда прежде всего решил заехать Греков. Если живы знакомые люди, его старые друзья, там всего лучше будет и остановиться. Они же сразу введут его и в курс дела.

На другой стороне балки Греков, притормозив, подождал, пока женщина поравнялась с машиной. Теперь он мог рассмотреть ее лучше. Это была еще молодая женщина, хотя и старил ее густой, коричневый загар. Почему-то она не спасалась от него, как это обычно делали здесь женщины, натираясь сметаной и закутываясь платками до глаз, оставляя одни узкие щелки. И приближалась она к тому месту, где остановилась машина, легкой и стройной походкой, лишь слегка склоняясь в сторону под большой охапкой травы. Она, конечно, прихватила ее с собой из степи для коровы.

Окликнутая Грековым, она остановилась и взглянула на него из-под зеленой охапки без особого любопытства.

— Вы здешняя? — спросил у нее Греков.

— Здешняя,— ответила женщина.

— Иван Степанович Махров живой?

Только теперь что-то похожее на любопытство мелькнуло у нее в глазах. Она как будто насторожилась. Но отвечала все так же сдержанно.

— Ивана Степановича уже девятый год как нет.

— Он больше здесь не живет?

Женщина помедлила.

— Он умер.— И, помедлив еще, добавила:— Его немцы расстреляли.

Вот и начались сбываться опасения Грекова. Иван Степанович Махров был красный партизан, с которым они сдружились в Приваловской в 1930 году, в год коллективизации.

— А жена его? — спросил Греков.

— И ее они расстреляли,— сказала женщина.

— Но кто-нибудь у них остался?

— Осталась одна дочка.

— Она замужем?

— Нет, — кратко ответила женщина.

— И все там же, на старом месте, живет?

— На старом.

Женщина встретилась ему не из разговорчивых, или, возможно, было сегодня у нее такое настроение, а Греков и сам не любил докучливых людей. Он был благодарен ей и за эти, хотя и печальные, сведения и спросил еще только об одном:

— А вы случайно не на том краю живете?

— На том,— ответила она так же кратко.

— Тогда садитесь, мы подвезем вас, — открывая дверцу машины, предложил Греков.

Она не отказалась, положила на заднее сиденье машины между собой и Игорем зеленую охапку и села. Молча поехали дальше. В маленькое зеркальце над передним стеклом машины Грекову видны были ее карие яркие глаза, как будто чем-то настороженные.

Молча доехали они и до большого, с низами, дома на окраине станицы у самого Дона. Три тополя, посаженные хозяевами этого дома еще при Грекове, вытянулись вверх, как три белые свечки, закрывая листвой крышу дома, а его хозяев уже не было в живых. Деревья пережили их. Но колено Дона все так же подходило к их огороду, переливаясь солнечной рябью.

Попутчица Грекова вылезла из машины и пошла прямо в калитку этого двора с охапкой на плече. Не выходя из машины, Греков крикнул ей вдогонку:

— Если дочка Махровых дома, скажите, чтобы вышла на минутку!

Женщина остановилась в калитке и повернула к нему голову из-под охапки.

— А я и есть их дочка.

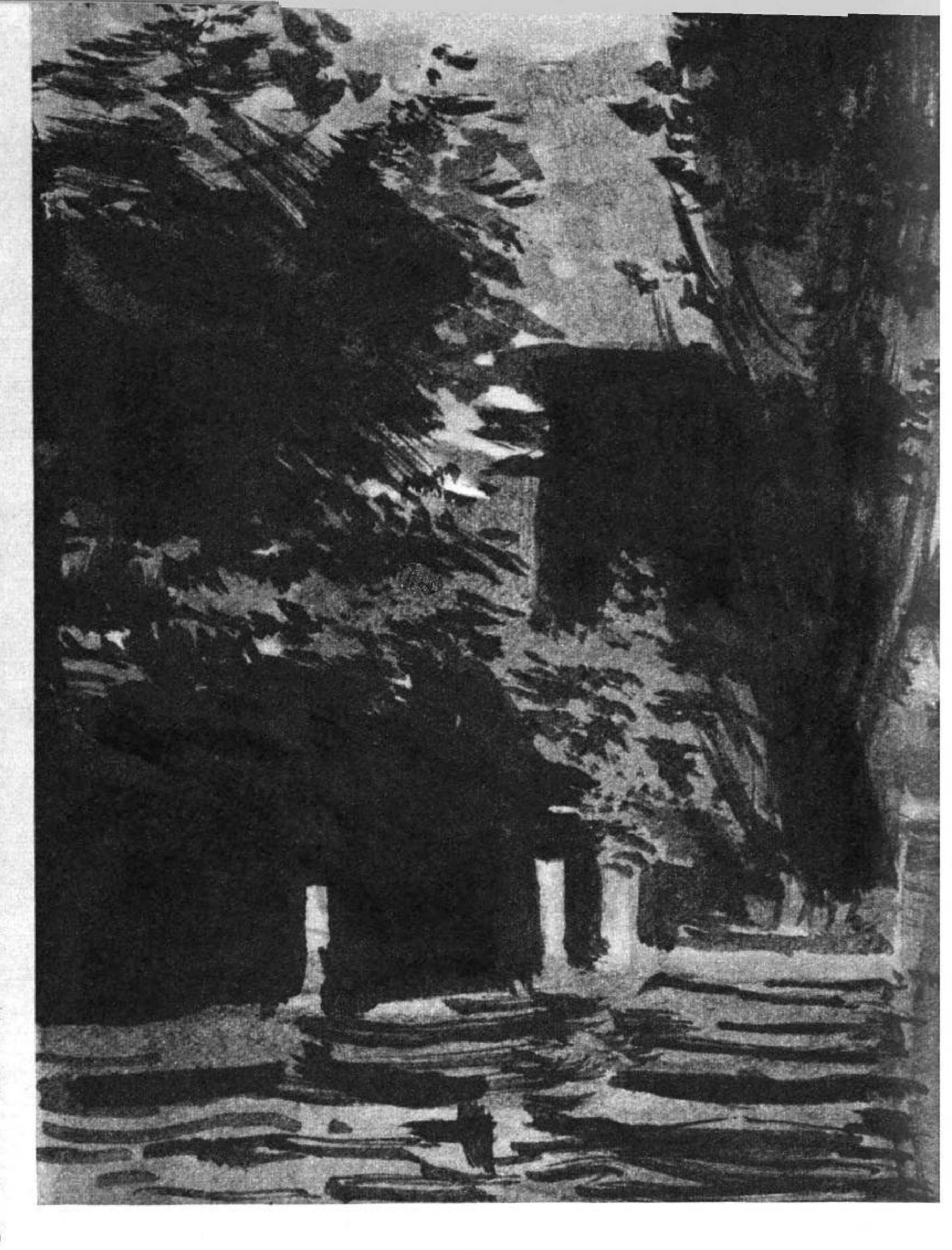
От неожиданности Греков растерялся, и даже Игорь выглянул из машины, вглядываясь в эту странную женщину.

— Вы? Зинаида? — спросил Греков.

Все тем же ровным голосом она сказала:

— Я.

— Что же вы мне раньше об этом не сказали?

— А вы у меня об этом не спрашивали.

Вот, оказывается, какая суровая женщина выросла из кареглазой смешливой девчонки, какой запомнил он единственную дочку Махровых. Вглядываясь в ее лицо, Греков верил и не верил.

Но отступать уже было поздно: именно под этой знакомой крышей он и рассчитывал найти для себя и для Игоря временную квартиру.

— А меня вы узнаете? В тридцатом году у вас на квартире стоял.

— Нет, я вас не помню.

— Может быть, и теперь у вас квартира найдется? На время.

— Дом большой.

Не такой ответ надеялся он услышать от дочери своего старого друга. И теперь уже рассчитывая в глубине души на ее отказ, он предупредил, оглядываясь на Игоря:

— Но я не один, со мной товарищ.

— Найдется место и для него, — окинув равнодушным взглядом Игоря, сказала женщина и пошла с травой на плече в глубь двора, где зияла раскрытая настежь дверь сарая.

К неутешительному выводу сразу же вынужден был прийти Греков, приехав через двадцать лет в знакомую станицу. Во всяком случае, двадцать лет назад люди здесь отличались куда большим гостеприимством. Но и отступать было поздно: из-за Дона на станицу уже надвигались тени вечера. И не любил Греков чересчур поспешных отступлений.

А поэтому, вылезая из машины, он решительно сказал Игорю:

— Выгружайся.

Но ужином в этот вечер она накормила их обильным. Странная была женщина. Несмотря на всю свою отчужденность, с которой разговаривала она с Грековым, о своих обязанностях хозяйки по отношению к нему и к Игорю она не забыла. Борщ она сварила им со свежей капустой, с мясом, молоко поставила на стол последнего, вечернего удоя, к вареникам не пожалела сметаны и даже принесла из погреба хороший ажиновский арбуз. Должно быть, в летней кухоньке во дворе она переоделась. Ее руки и шея, выглядывающие из воротника и рукавов новой белой кофты, отличались смуглой белизной, на широкой юбке были вытюжены все складки. Красивая, со спокойными, даже величавыми движениями и хорошо, опрятно одетая женщина. Греков черпал ложкой из тарелки ее вкусный, наваристый борщ, резал ножом кроваво-красный, подернутый сахарной изморозью арбуз и украдкой поглядывал на нее. Она сидела боком к нему у окна, сложив под накинутым на плечи зеленым платком обнаженные до локтей руки. Взгляд ее, устремленный куда-то на улицу, неярко освещенную луной, был неуловим, лицо равнодушно-сурово.

Отодвигая от себя тарелку с арбузными корками, Греков все-таки решился задать ей вопрос:

— За что же, Зинаида, немцы расстреляли ваших отца и мать?

Что-то дрогнуло у нее в лице. Она тихо ответила:

— Из-за меня.

Игорь отрезал себе новую скибку арбуза и не донес до рта. Рука его со скибкой застыла в воздухе, он смотрел на хозяйку с растерянностью и испугом. И без того большие глаза Игоря еще шире раскрылись.

Должно быть, заметив это, она скупо улыбнулась.

— Я прятала в яме в саду раненого лейтенанта, а немцы узнали, пришли и сразу всех троих—из автомата. Вместе с тем лейтенантом. Я как раз за Доном была.

— И с тех пор вы живете одна? — спросил Греков.

— Одна.

— И не были замужем?

И тут же он пожалел об этих своих словах. Если бы Греков знал, какое произведут они впечатление на эту большую, строгую женщину, он бы ни за что не начал этот разговор.

— Не была!.. Нет, была! — вдруг выкрикнула она в лицо Грекову, глядя на него горящими глазами.— А зачем вам это нужно знать? Зачем?!

Он увидел, как у нее вдруг совсем по-детски задрожали подбородок и губы, лицо стало белым, как стена, а на рукав белой кофты, которым она хотела закрыть глаза, внезапным дробным дождем брызнули слезы.

Греков совсем растерялся. Он попытался ее успокоить:

— Подождите, Зинаида, я же совсем не знал... я не хотел...

Полуотворачиваясь, она разразилась плачем, сквозь который лишь с трудом можно было понять то, о чем она говорила сбивчиво и бессвязно.

— Ну есть у меня муж, а где он, где? — плача, говорила она.— Вы лучше бы у них спросили, у них... Зачем они взяли его, увезли, когда мы... Мы уже собрались в сельсовет, а они...

Этот переход от угрюмой суровости к жалобному плачу, к безудержному рыданию, которое сотрясало ее грудь и плечи, был таким неожиданным, что Греков не знал, что и делать. Этого он не ожидал. Наклонив голову, Зинаида закрыла лицо ладонями, и он видел, как сквозь ее пальцы просачиваются слезы, бегут по рукам на шею и на кофту.

— Мы ничего им не сделали... Зачем они погубили мою жизнь, нашу жизнь?..— говорила она, всхлипывая.— И никто мне не поможет... Никто не может помочь...

Большая, сильная женщина, а плакала она, как девочка. И останавливать ее, должно быть, тоже следовало только так, как это иногда приходилось делать Грекову, когда его маленькая дочь Таня вот так же бурно предавалась своему детскому горю.

— Замолчи! — сурово прикрикнул он на Зинаиду.— Так мы с тобой ни о чем не договоримся. Я же все равно ничего из твоих слов не пойму. Если у тебя какая-то беда, то соберись с силами, расскажи. Сейчас я еще ничего не могу тебе пообещать, но кто знает, может быть, и сумею тебе помочь. А криком делу не поможешь. И поплакать успеешь потом. Вытри слезы, успокойся и рассказывай.

И, странное дело, Зинаида сразу примолкла. То ли выкричавшись, то ли почувствовав в словах Грекова проблеск какой-то надежды, она притихла и, смахивая обеими ладонями с глаз обильную росу слез, спросила:

— Это правда?

— Что правда?

— Что вы мне обещаете помочь?

— Но сперва я должен узнать, какая может потребоваться от меня помощь. В чем тебя, по-твоему, обидели? Кто погубил твою жизнь? Кто они, твои, Зинаида, обидчики?

— Те, которые его взяли,— глухо сказала Зинаида.

— Кого его?

— Моего мужа. Нет,— тут же поправилась она,— он еще был мне не муж. В это утро мы как раз должны были с ним в сельсовет идти. Но все равно он уже был муж. Да, муж.— И взгляд ее опять стал непримиримо враждебным.— А ночью за ним приехали из района сразу три милиционера и арестовали его.

— За что?

Эмма Егерева, Люба Анкудимова и секретарь комитета комсомола инструментального корпуса Юрий Потапов.
Фото Л. Бородулина.

Призван

А. СТАРКОВ

Я позвонил в Горький, на автозавод, в пятницу. Спросил, застану ли на месте Любу Анкудимову, если приеду дня через три. Кто-то из комитета комсомола сказал мне, что застану: с понедельника она в первой смене. Я приехал во вторник, и сразу на завод, в инструментальный цех. А мне говорят: «Расшиблась наша Люба. В больнице она». Позавчера, в выходной день, в Стригинском бору—это за Окой—проходили лыжные соревнования между цехами. Люба не участвовала, лыжница-то она не очень, но болела, конечно, переживала за своих. И вдруг в женской команде нехватка, не явилась на старт одна из девушек; искали ее, искали, не нашли. Кто заменит? Люба вызвалась. Лыжи ей подобрали, а ботинки были только 41-го размера, ей нужен 36-й. Набила бумаги, вышла все-таки на старт. Сначала бежала ничего, даже опередила кого-то, а потом резкий поворот, крутой спуск — и ее вынесло прямо на сосну. Подбежали к ней — подняться не может. «Скорая помощь» увезла.

И мы встретились с Любой Анкудимовой, групкомсоргом из инструменталки, делегатом XIV съезда комсомола, не в цехе, не у шлифовального ее станка, а в больнице. В сереньком больничном халате она показалась мне маленькой, хрупкой. Лицо бледное, глаза чуть с раскосинкой, темные волосы уложены на прямой пробор, косы. Если бы Люба играла на сцене, ее легко было бы загримировать под китаяночку.

На тумбочке возле кровати — ветка мимозы в жестяной кружке, коробка с зефиром, коробка с шоколадными конфетами, еще коробка. Вразброс лежат какие-то исписанные разными почерками листки. Люба, перехватив мой взгляд, объясняет:

— Письма. Нет, не мне. Школьникам. От девчат из нашей комсомольской группы. Мы из Саратовской области письмо получили. Пишут ребята-семиклассники. У них спор был: кем быть, кем стать в жизни? Просят разъяснить этот вопрос, посоветовать. Письмо пришло в комитет. А оттуда его — нам. Сначала мы собирались коллективный ответ написать. Но коллективного не получилось, разошлись мнения. Тогда решили, чтобы каждый в отдельности... Сегодня девочки ко мне приходили, навещали. И ответы свои принесли. Писали все врозь, а отправлять будем одним пакетом. Хотите поглядеть?

Среди пачки писем мне попалось начатое чернилами, продолженное карандашом, неподписанное.

— Мое,— сказала Люба.— Я его еще не закончила. Верней, закончила, но не отшлифовала. Тут коечто надо поправить.

Мне понравилось ее письмо. А другому оно может показаться наивным, чересчур прямолинейным, что ли. И все же я приведу из него несколько строчек.

«...Труд приносит счастье, уважение, высокое сознание выполненного долга. Люди, избегающие труда, у нас не в почете. А откуда же берутся белоручки? Они есть, и о них надо говорить. И не только для того, чтобы высмеять, но чтобы сообща заставить их понять, как жалко прозябание человечка, живущего лишь для себя, без высокой мечты, без горения, без любви к труду. Откуда, повторяю, берутся такие? Я не верю, чтобы лень была в крови. Младенцы одинаково плачут и замолкают. Начинают ходить и лепетать, растут, крепнут, развиваются. Вот тут сначала родители, потом учителя, воспитатели, вожатые, товарищи по комсомолу должны показать тебе, как жить...»

— За зерно. Будто он украл машину зерна. Но он его не брал.

— А машина зерна правда пропала?

— Правда.

— Целая машина?

— Да.

— Куда же она, по-твоему, могла деться?

— Этого я не знаю.

— Как же ты можешь говорить, что он не украл?

— Я его знаю. У вас жена есть?

— Есть.

— И давно вы с ней живете?

Надо было отвечать и на этот вопрос.

— Одиннадцать лет.

— А я его с самого детства знаю. Уже двадцать пять лет. Он не мог украсть. А прокурор говорит, что я тут заинтересованное лицо. «Может быть,— говорит,—твой Коптев это зерно и продал, чтобы хорошую свадьбу сыграть». И в нарсуде мне сказали, что у них есть другие свидетели.

— Как ты сказала? Коптев?

— Да. Дмитрий Афанасьевич Коптев. Он работал в колхозе шофером, а раньше трактористом. Зерно от комбайна на пункт возил.

Из-за духоты она постелила им спать в саду. Лежа под большой грушей на мягкой полсти, Греков говорил Игорю:

— Давай, Игорь, распределим с тобой обязанности. Я возьму на себя взрослую часть населения станицы, а ты — молодежь. Понятно, тебе сразу же придется связаться с местным комсомолом. Учти, что колхоз, да еще в условиях казачьей станицы,— это тебе не стройка. Тут и молодежь совсем другая, и, прежде чем найти с ней общий язык, надо к ней присмотреться. Здесь, пожалуй, методы нашего общего друга Федора Сорокина могут и не пригодиться.

Сквозь листву груши скупо излучали на них свой свет звезды. Лежа на спине, Игорь смотрел на них и слушал, что говорил ему Греков.

— Конечно, и здесь уже новая выросла молодежь, но и нельзя забывать, на какой она выросла почве. Я казачью среду знаю, мне здесь ломали рога.— И Игорь с внутренней улыбкой заметил, как при этих воспоминаниях Греков медленно провел рукой по лбу.— Крестьяне специфической закваски и крутого замеса. Ты в школе историю изучал, должен знать, на каких дрожжах подходило это тесто. Одним словом, казаки. Пожалуй, больше всего в жизни они дорожат своей независимостью. Вероятно, это у них еще от пращуров, от Разина, от Пугачева. Пахать — так пахать, воевать — так воевать, гулять — так гулять. Золотой середины не знают. Слышишь, по всей станице песни поют. А ведь пора бы им давно спать. С чего бы они распелись? — приподнимаясь на локте и прислушиваясь, с удивлением сказал Греков.— И ты только послушай, Игорь, как здесь умеют петь.

В самом деле можно было подумать, что никто еще не спит в станице в этот поздний час, когда ночь давно уже укрыла звездным одеялом улицы, крыши и сады. Не из какого-нибудь одного двора разносились вокруг песни, где засиделись вокруг четверти виноградного вина собутыльники. Пели песни и на той самой нижней улице, что тянулась вдоль Дона, и на той, за которой раскинулась холмистая степь, а через три или четыре двора от того места, где лежали под деревом Греков с Игорем, стонала под ногами танцующих земля. Не меньше полдюжины баянов кочевали по станице, сопровождаемые волнами поющих голосов.

И еще долго, лежа рядом с Игорем в саду на полсти, удивлялся Греков. Никакого старого праздника, который мог бы послужить причиной этой гулянки, он так и не мог припомнить, а новые — Октябрьские — праздники были еще далеко впереди. Знал Греков, что между людьми в этих местах давно уже прекратились все споры на тему о том, какие праздники лучше. Старые постепенно отживали вместе с теми людьми, которые тоже доживали свой век в хуторах и станицах, а к новым праздникам теперь всегда начинали готовиться задолго, как, бывало, готовились к пасхе или рождеству, и отмечали их с громом и торжеством. Гуляли на Май и на Октябрь не хуже или даже лучше, чем когда-то на пасху и на рождество. Но и старые праздники не спешили забывать. И даже самые молодые, которые сами давно отвернулись от бога, не препятствовали своим богомольным отцам и матерям отдавать дань старине. Тем более, что матери и бабки всегда по-особому пекли к этим дням пироги и ватрушки, жарили индеек, гусей и уток, а отцы извлекали из потаенных мест бутылки с хорошим вином. Всякой еды и всяческого питья было через край, а почему бы при этом и не попеть вместе со стариками донские песни. Старые казачьи песни такие, что и не хочешь запеть, а запоешь. От отцов к детям передавались они, как живая память об истории гордого, воинственного и простодушного племени, не раз платившего за свою доверчивость дорогой ценой, не однажды прославившего свою Родину с шашкой в руке, но и не однажды корыстолюбиво обманутого боярами, атаманами и генералами. Но немалую цену приходилось платить тем же боярам, атаманам и генералам и за обман казаков, когда те вдруг прозревали и, стягиваясь на воинственные зовы Степана Разина, Емельяна Пугачева или Семена Буденного, заносили ту же казачью шашку над царским троном.

И обо всем этом можно было узнать из песен. Так почему же молодым и не петь их теперь вслед за старыми людьми и не впитывать их в себя с жадностью от отцов и матерей, чтобы потом, в свою очередь, передать их своим детям?..

Вот и теперь с мужественными, уже очерствевшими голосами тут и там созвучно сплетались по станице свежие, звенящие голоса. Среди них было больше женских.

А на краю той самой улицы, где стали на квартиру Греков с Игорем, у самого Дона, и вообще пели исключительно женщины. Пели они песню о ветре низовом, уговаривая его навеять тучу черную и пролить проливным дождем. Игорь давно уже уснул, подложив под

— Любочка,— спросил я,— а про себя? Про свое «кем быть»?

— Я хотела об этом. Но тут получилось совпадение. Одна из наших девушек, Лиля, написала то, что и я собиралась написать. Почти такими же словами. Вот послушайте, что пишет Лиля: «Я с самых маленьких лет мечтала быть учительницей. И, окончив школу, подала в пединститут. Не прошла по конкурсу. Работаю на заводе. Тут интересно, хотя и трудно. Станок у меня шлифовальный, нужна большая точность в обработке деталей, и добиваться этого увлекательно. Я привыкла к заводу. И могла бы даже сказать — полюбила его, если б не осталась, не жила во мне старая мечта. Тысячу раз спрашивала себя: не ошибка ли твое желание стать учительницей? Ведь тебе хорошо, интересно на заводе? Да, хорошо, интересно. Но стою у станка, а вижу себя за столом педагога...».

— Так и у меня,— сказала Люба.— Но я решила не повторяться, раз уж об этом написала Лиля... Она у нас недавно, с полгода. Пришла зверек-зверьком. Ну хоть бы раз улыбнулась кому! То молчит-молчит, то огрызнется вдруг. Видно было, с какой-то обидой человек, таит чего-то. Но я не допытывалась, чувствовала, что такой нельзя лезть в душу. Придет срок, сама ее раскроет, если почует в тебе друга... Идем как-то вместе с работы; молчит, как всегда, и я молчу; вот дойдем до перекрестка — разойдемся молча. Но она вдруг заговорила — тихо так, медленно — про себя, про свою жизнь. Я не перебивала. Мы прошли один перекресток, другой, третий, много перекрестков прошли, а она все рассказывала, а я не перебивала.

...Лиля родилась через месяц после того, как ее отец ушел на фронт. С фронта он вернулся, но не домой — в другой дом в другом городе. Он приезжал навещать своих стариков родителей, заходил к Лилиной матери, чтобы посмотреть на дочку. Потом в доме появился человек, которого Лиля называла прежде дядей Сашей, а теперь папой. Он был младший брат ее отца. В школе она весело рассказывала, что у нее целых двое пап. У кого по одному, а у нее два. Смешно! Позже она поняла, что это горько, очень горько. Отчима она стала снова называть дядей Сашей, хотя он любил ее, как должен был любить родной отец. И все же ей хотелось вернуть себе родного, настоящего. Но она не знала, как это сделать. Он продолжал каждое лето приезжать в отпуск в их город. Он приехал и тем летом, когда Лиля, закончив школу, не попала в институт. И он пригласил ее жить к себе, в свою вторую семью. Он, наверно, тоже хотел вернуть себе родную дочь. Но из этого ничего не вышло. Между ними была его жена, ее мачеха, и дочка мачехи от первого брака, падчерица отца. Все перепуталось, все перемешалось в этой семье. Пошли распри. Мачеха и ее дочь считали, конечно, что во всем виновата явившаяся вдруг в их дом Лиля. Они возненавидели ее, а она их. Отец молчал. Отец начал пить. И тогда она ушла из его дома. Она снимала угол у какой-то старухи. Отец не стал ее искать. Он не пришел к ней даже когда ему указали, где она живет. Он не навестил дочь и в день ее двадцатилетия, не прислал поздравительной открытки, как делал это всегда раньше. Они живут теперь в одном городе, отец и дочь, но не видятся. Кажется, они потеряли друг друга навсегда...

— Вот и глядела она, как зверек какой, когда пришла к нам,— сказала Люба.— Никому и ничему не улыбалась... Оттаяла немного за полгода-то. Но улыбается еще редко... Вчера приходила ко мне с девчатами. Не пустили их: карантин был. Сегодня снова девочки приходили. Лиля что-то не смогла. Пакетик прислала. Вот это свое письмо школьникам и поэму. Ага, поэму. За ночь написала, белыми стихами. Про то, как они хотели меня навестить и что из этого вышло. Хотите, прочту кусочек? Забавно, по-моему...

...Наконец-то больница пред нами.
Тут встречаем мы Женю и Раю
И решаем — в палату зайти
Ненадолго, чтоб Любу проведать.
О делах на участке расскажем,
В курс событий совместно введем,
Бодрость духа активно поднимем,
Часть всех болей ее унесем.
Но уже на пороге больницы
Здоровенный детина нам путь
Преграждает ввиду карантина.
Вот так новость! Что делать,
девчата?
Хоть в окно заглянуть бы к
Любаше...

— Забавно ведь, правда? — сказала Люба.— Вот вам и зверек-недотроныш... Я ее письмо к школьникам прочла и подумала: разные мы с ней, совсем разные, а стремление у нас, призвание одно. Обе хотим в учительницы. А ни у нее, ни у меня не было в роду учителей. Не то что у Лиды Спиридоновой. У той и отец и мать — педагоги. Отец очень даже известный учитель математики, заслуженный. Ей бы, Лиде нашей, тоже в учителя. А она чуть не с первого класса о машинах мечтала. У других девочек куклы, у нее, как у мальчишки, грузовики, экскаваторы, самолеты. После школы поступала в политехнический. Двух баллов не хватило. «Видишь,— сказали родители,— надо было в педагогический. Там у нас знакомство». И устроили ее через знакомых воспитательницей в детский сад. Думали, что привыкнет, станет ей интересно. А она мне рассказывала, тот сад — ад для нее.

щеку ладонь, а Греков все еще слушал эту издавна знакомую ему песню. Женщины, видно, давно спелись. Одна из них резковатым и, пожалуй, нетрезвым голосом вела ее. Теперь уже уговаривала она не ветер низовой, а своих отца и матушку отдать ее замуж не за старого и не за малого. А подруги, хором поддерживая ее, пояснили, за кого же она не прочь выйти замуж:

Ой да за донского казака,
За удалого.

Греков поймал себя на том, что и он шевелит губами, и, испуганно взглянув на спящего Игоря, невольно прикрыл рот ладонью. Женщины, закончив песню о ветре низовом, перешли на плясовую и, взвизгивая, хлопая в ладоши, брунжа губами, с топотом стали подниматься вверх по улице, сопровождаемые собачьим лаем. Как будто смерч неистовых звуков поднимался в станицу от Дона. И вот он уже закружился у того двора, где лежали под деревом Греков и Игорь. Игорь, проснувшись, поднял от подушки голову, громко спрашивая:

— Что это?

— Молчи! — положив руку ему на плечо, сказал Греков.

Смерч из женского визга, топота, игрового пения и злобного собачьего лая кружился прямо перед ними за плетнем, против того дома, где они поселились. Вдруг он сразу оборвался по команде той женщины, что начинала песню о низовом ветре:

— Тихо! Это же Зинаидин дом.

Испуганно залопотали за плетнем и другие женские голоса:

— Вот сейчас она выйдет и ка-ак ширнет кочергой...

Пьяный голос вдруг завизжал:

Потеряла, чем ширяла.
Пришел вечер, ширнуть нечем.

На нее зашипели, зашикали другие женщины за плетнем:

— Тю, дурная Тонька, нализалась и орешь.

— Все одно нам отсюда кочевать.

— Кончай гулянку, а то Зинаида нам утром в бригаде пропишет.

— Н-нет, она теперь за это не стала ругать.

Женщины толкались и переговаривались у самых голов Грекова и Игоря. Даже иногда терпким винным запахом веяло на них сквозь рядно плетня.

— Сегодня до нее поставили двух уполномоченных квартирантов. Обратно, стало быть, начнут нас агитировать.

— Дура необразованная: не обратно, а опять.

— Все равно нам кочевать.

— Теперь с утра обратно, извиняюсь, опять начнут скликать на собрание.

— Пускай скликают, а это им...

— Ну и бессовестная ты, Тонька.

— Все равно кочевать...

— Ну, значит, и гуляем до утра. До собрания.

— Смелая какая. А вино где? Тут-то уже...

И по улице разнесся гулкий, щелкающий стук, как будто стучали ногтем о пустую посудину.

— А к Гришке Шпакову пойдем. У него для меня завсегда кредит.

Застенчивый, совсем молоденький голосок спросил:

— С чего бы он так раздобрился? У него же зимой снегу не выпросишь.

— Ты еще, Надя, овечка. От добра добра не ищут. Тут он со своего сада золотые проценты стригет, а там еще лет десять надо, чтобы такой же виноград обратно вырос.

— Не обратно, а...

— Знаю. По причине оккупации образование пришлось прекратить.

— Ох, доходишься ты, Тонька, к нему! Захватит тебя Ульяна.

— Не захватит. Эта гусыня опять повезла своему братцу индюшек.

Тот же застенчивый голос снова поинтересовался:

— А чем же вы, тетка Тоня, будете с ним расплачиваться за этот кредит?

— Да все тем же... Да нет, ты, Надюша, не закрывайся, не подумай чего такого, ему уже того самого не нужно.— И пьяный голос опять завизжал:

Потеряла, чем ширяла,
Пришел вечер, ширнуть нечем.

Взрывом женского хохота покрыло эти слова. Смерч опять закружился за плетнем и с гиком, гамом и топотом двинулся вверх по улице, к центру станицы.

Игорь в смятении уронил голову на подушку. Греков беззвучно смеялся.

Греков проснулся от тишины и в первые мгновения совсем не мог сообразить, где он и как это может быть, что ни один из привычных звуков не долетает до его слуха. Ни привычного мелодичного лязга, всегда доносившегося с эстакады, не слышно, ни тупых ударов больших молотов-копров, забивающих перед плотиной стальные шпунты, и рассыпчатых дробей маленьких пневматических молотков, зачищающих поверхность бетона, ни гула мотопоездов, самосвалов и бульдозеров, ни каких-либо других звуков, которые обычно и будили его и навевали ему сон. Под них он и быстрее засыпал и раньше просыпался. И теперь, внезапно проснувшись и не слыша их, он испугался, пронизанный мыслью, что случилось что-то непоправимое. По какой-то причине внезапно сломался размеренный ритм стройки. Вот так, бывало, на фронте после беспрерывных боев, многодневной жизни среди грохота выстрелов и взрывов, скрежета гусениц и надсадного воя моторов ему приходилось внезапно проснуться из-за выморочной тишины и пережить мгновенный испуг от мысли, что вероломный враг окружил и застал его и товарищей спящими.

Тишина вокруг стояла такая, когда человеку может вдруг показаться, что он один на всем свете. Стук собственного сердца показался Грекову кощунственно громким. Он скосил глаза, увидел рядом на красной подушке голову Игоря, который, несмотря ни на что, спал сладчайшим утренним сном юности, оттопырив губы и раздувая щеки, и с облегчением вздохнул.

Старая груша простирала над ними свои мохнатые лапы. Сквозь них проливалось кипящее золото солнца. Утро начиналось в станице.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

— Сама сейчас не понимает, как там четыре месяца продержалась. Была у нее малышовая группа — горюшко просто! Ни на шаг не отойдешь. То носик подотри, то ушко прочисти. Гляди, чтоб не выскользнул кто на улицу через дыру в заборе... Был у нее случай. Вела свою малышовую через парк. Подходит мужчина, берет одну из девчушек, Танечку, за руку, говорит: «Это моя дочка, я уезжаю срочно в командировку, разрешите я подойду с ней к киоску, конфет куплю...» Девочка тянется к нему, папой называет. Лида разрешила, а потом видит: он мимо одного киоска прошел, мимо другого, свернул на боковую аллейку, поднял девочку на руки и быстро-быстро зашагал прочь из парка. Лида за ним, с трудом догнала. Хочет взять девочку, он не отдает. Лида в крик. Собралась толпа. Мужчина стоит растерянный, девочка плачет у него на руках. Он опустил ее на землю, поцеловал. И ушел сгорбленный, жалкий такой... Вечером мать пришла за девочкой в детский сад. Лида рассказала ей, что случилось. Женщина обняла Лиду и говорит: «Спасибо вам, милая. Это мой бывший муж. Он хочет забрать девочку. Вот негодяй!» А Лиде он не показался негодяем. Она видела у него на глазах слезы... После этого случая она ушла из детского сада. Она мне говорила: «Это слишком тонкое дело. Не для меня». А работница знаете какая! Сто сот стоит. Она и шлифовщица и заточница. Еще в техническом училище славилась. На участке первая ударница коммунистического труда. Составляли недавно личные производственные планы на год. Лида первая составила. Она всегда первая. У нее времени на все хватает. Член бюро. В техникуме на третьем курсе, собирается быть конструктором по дизелям... Никогда не ворчит, ни от каких поручений не отказывается. Заметку написать в стенгазету — пожалуйста. Деньги собрать на культпоход — мигом. О собрании ей лишний раз напоминать не надо. О членских взносах тоже сама помнит... Вот бы все такие, здорово было бы!

Сказала так и задумалась. Я почти догадывался, почему она задумалась. И решил подлить маслица в огонь.

— Любочка,— спросил я,— а вам действительно хочется, чтобы в вашей комсомольской группе все были такие, как Лида?

Она вскинула на меня свои темные, с раскосинкой глаза, и в них мелькнула хитринка.

— Что ж,— сказала она,— чем плохо? Лида — прекрасная девушка. Трудолюбивая, добросовестная, дисциплинированная комсомолка. И если б все такие, было бы легко...— Она задумалась снова на секунду и добавила: — Только не очень интересно... Но у нас все разные.

И она рассказала мне про Севу Малова.

Он очень большой, просто огромный, этот Сева Малов. А заточный станок у него маленький. Он у этого станка, как десятиклассник за партой первоклашки. Такому здоровяку в литейку бы, в кузницу, на сборку. А тут крошечные фрезочки, которым очень неуютно на Севиных тяжелых, шершавых ладонях. Тут не нужна сила, которая хлещет у него через край. Нужны внимание, глазомер, терпение... Как все сильные, Сева добрый. Но, между прочим, вспыльчивый. Обидел как-то Элю, соседку по станку. Накричал на нее. Она плакала. Пришлось собрать комсомольскую группу. Они стояли рядом, маленькая Эля и громадный Сева, обиженная и обидчик. Из-за чего ссора? Эля сказала, что ей нужно было поставить на станок тяжелую планшайбу. Она попросила сделать это Севу. Он не захотел да еще и обругал. Люба, комсорг, спрашивает:

— Правда это?

— Правда,— бурчит, опустив глаза, огромный Малов.

— Но почему ты не поднял планшайбу? Она ж для тебя как блюдечко...

— Пусть просит нормально. Сказала бы: «Севка, ну-ка подыми»,— я сразу бы. А она жалобно так: «Севочка, миленький, помоги, пожалуйста». И чуть не плачет. Вот не люблю, когда сопли разводят. Меня всего трясет.

— Но ты ведь зря обидел девушку. Это, понимаешь, хамство. Извинись.

— Извини, Горбунова,— басит Сева.— Я тебе что хочешь теперь подыму. Все время буду подымать. Только не проси за ради бога так жалобно...

Упрямый. Был случай с лампой. У заточного станка над станиной лампа. Она и днем горит. Если, конечно, заточник работает. Без нее, без лампы, не обойтись при заточке инструмента. Но зачем ей гореть днем, когда станок на простое? У Севки она целый день включена. Люба подходит, говорит:

— Ну зачем тебе сейчас электрический свет?

— Нужен.

— У тебя же ремонт. Погаси лампу. Светло.

— Отвяжись! За собой гляди!

— Я гляжу. И зря электричество не трачу.

— Ты у нас паинька, хорошая девочка...

— Выключи свет! Ты понимаешь, что...

— Ага, знаю! Шахтеры добывали уголь, железнодорожники везли его в вагонах, кочегары кидали в топку на электростанции... И так далее и тому подобное. Столько затрачено труда, а я транжирю электроэнергию! Читали, слышали. Агитируй других!

И пошел вразвалочку от станка к мастеру в конторку. Люба выключила лампу. Севка вернулся, метнул взгляд в Любину сторону и включил лампу. Минут пять она погорела. Погасил. И до конца смены не зажигал. Проходил мимо Любы, буркнул:

— Довольна? Можешь записать это достижение в свой дневничок. Как-никак воспитательная работа...

Трудное дитя! Такого не отшлифуешь под микрометр. Да он, кстати, и не фреза, не втулка какая-нибудь, которые Люба шлифует на своем станке с микронной точностью. Он человек. Двадцатилетний. Здоровущий, неуемный. Зимой в любой мороз — без пальто, без шапки. Ищет для себя лихого дела. Мотоциклист. Сдал в аэроклубе на летчика. С парашютом прыгал. А теперь вот укатил по комсомольской путевке в Сибирь, на строительство дороги Тайшет — Абакан. Под Новый год прислал в цех поздравительную телеграмму на Любино имя. А потом пришло письмо:

«Здравствуйте, друзья!

Шлю вам привет с Саянских хребтов. Извините, что задержался с письмом. Приехали мы на место 24 декабря, а работать начали 29-го. Всего нас из Горького 60 человек. Разбили на три группы. На самый далекий участок попало 22, я в их числе. От Абакана мы за 250 километров. Наш строительный поезд в самой тайге, среди гор и сопок. Здесь пройдет железная дорога. Через горы пробивают туннели длиной по 2,5 километра.

Мы работаем бригадой в котловане для бетонированных труб. Наш инструмент — лопата, кирка, лом. Сначала показалось вроде диковато, но понемногу привыкаем. А главное, мы показали себя с хорошей стороны. Думаю, что так будет и дальше. Хотим бороться за звание бригады коммунистического труда. Ребята все дружные, веселые, девчата тоже. На работу ездим за 16 километров на машине с песнями, с работы едем усталые, но тоже с песнями.

Живем пока в вагончиках, но скоро будем в общежитии, а то вечером в вагончиках жарко, утром зуб на зуб не попадет. Ходим в клуб, в библиотеку. В воскресенье на лыжах в горы. Это такой отдых! Мы ведь прежде ничего такого не видели, кроме как в кино, а здесь все на самом деле. Такая красота! Всем хорошо, только вина нет, и под Новый год пришлось ездить за 70 километров за спиртом. Новый год встретили два раза: по местному и по московскому времени.

Мне говорили, что здесь очень холодно. Но настоящих холодов еще не видали. Снегу навалом, доходит до 2 метров. Зима длится 10 месяцев, остальное — лето... Собираемся купить ружье и ходить на охоту.

Ну, вот и все. Напишите, что вас интересует. Как встретили Новый год? Как живете и работаете? Кто вышел замуж и женился?

Я знаю, вы скажете: видали его — романтик! Да, здесь романтика. Но только природа. А работа куда тяжелее, чем на заводе. Но нам ли ее бояться? В наши годы только и ездить по таким местам, а то пройдут годы, и не увидишь ничего, кроме завода.

Ну вот, теперь заканчиваю. Передавайте всем большой привет. До свидания.

Малов Всеволод».

Вот он какой, Малов Всеволод! Интересно с таким? Очень!

А с Эммой Егеревой?

С Эммой у Любы, как комсорга, несколько сложные отношения. Эмма была комсоргом до Любы. Потом ее выбрали в бюро, и она сама на собрании предложила в комсорги Любу. А теперь Любе кажется, что Эмма немножко ревнует. Но, наверно, только кажется. Просто они очень разные. Эмма сказала как-то Любе:

— Тебе меня не понять. Ты домашняя.

Домашними она называет тех, кто рос с отцом и матерью. У нее отец — летчик, погиб в воздушном бою над Ленинградом. Мать умерла от рака. Остались вдвоем с братом Толиком, жили в детском доме. Только братишка встал на ноги, школу механизаторов закончил — убили. Дружинник был, заступился за девушку, и пьяный хулиган застрелил его в упор из ружья... Эмма совсем одна, ни близких, ни дальних у нее родственников... Лиля — та от своих семейных дел замкнутая, молчаливая. А Эмма колючая, дерзкая, поперечная. И душевная. Люба знает это и многое прощает Эмме, которой ничего не стоит сгоряча нагрубить соседке по станку, мастеру, начальнику цеха, кому угодно... Вот составлялись личные планы по повышению производительности труда. Все согласились сразу. Кроме Эммы. Она раскричалась на собрании, такого наговорила! Станки не ремонтируют, работой не обеспечивают, все рывками, кампаниями, и планы эти ни к чему, не хочу, не буду, не приставайте... Стукнула кулачком, выбежала из комнаты. В словах ее было и справедливое. Но зачем людей обижать? Любе это претит. Но она старается ладить с несговорчивой Эммой. А как с ней ладить?

Шло собрание актива. Леша Новиков, секретарь комитета, делал доклад. Сказал, между прочим, что комсомольская группа Анкудимовой вызвала на соревнование группу Вечканова с соседнего участка.

— Неправда это! — крикнула с места Эмма.— Никого мы не вызывали!

Шум, смешки. Приятно Любе? Она утром договорилась с Вечкановым соревноваться, а с группой не успела согласовать. Позвонили из комитета. Она сказала о соревновании, и Леша Новиков вставил это в доклад. Так что, по существу, Эмма была права. «Но зачем вот так на собрании?» — думает Люба.

Трудно с ней, с Эммой. Многому, что задумаешь, она поперек. В группе традиция — справлять всем день рождения. И Эмме справляли. Известно, что она страсть как любит посуду. Подарили ей чешский сервиз. А тут подошел день рождения Севки Малова. Хоть и уехал он, решили отметить, съездить к его родителям в Доскино, подарок отвезти. Все «за». Кроме, конечно, Эммы. Нелепо, говорит, справлять день рождения заочно. Можно послать телеграмму, а родителям нечего навязываться. Может, это им будет неприятно. Люба раз пять подходила к Эмме, уговаривала. Отмахивается: «Отстань, не поеду». «Не хочешь — не надо,— подумала Люба,— без тебя съездим». И собрала в субботу после смены девчат, чтобы договориться, когда завтра ехать. Подарки были уже куплены. Стоят подружки возле станка, шепчутся. Мимо бежит Эмма, торопится куда-то после работы. Стрельнула глазами, усмехнулась. Окликнуть ее? Нагрубит, огрызнется. Пускай...

— Эмма, — крикнула Люба,— ты поедешь?

Спросила так, словно еще ни разу не спрашивала.

И та остановилась довольная, улыбнулась, подошла.

— Значит, едем, девочки? Когда к автобусу? В десять? А может, пораньше?

Представляете, какая была бы обида, если б Люба не окликнула ее в последний момент?..

Все разные. И с каждым надо по-разному.

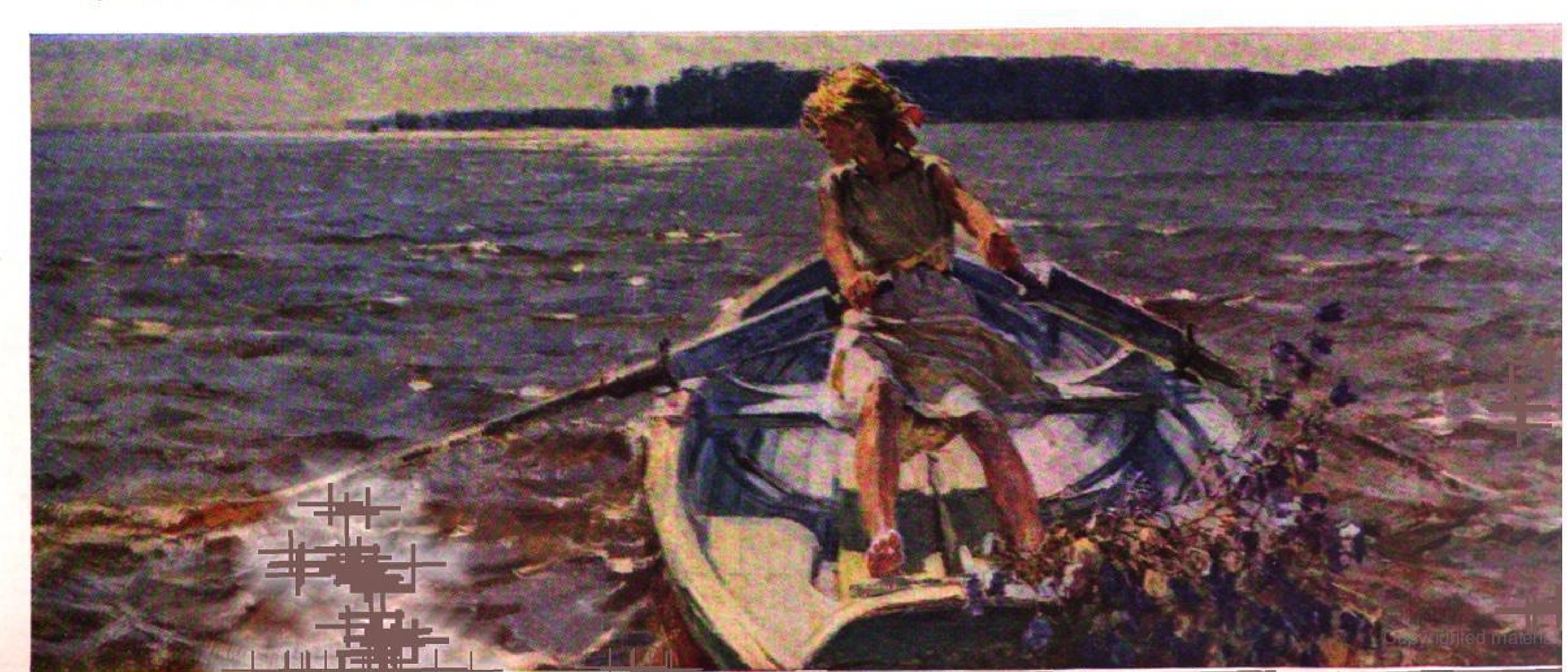
...Засиделся я в палате возле раненого комсорга. Трижды заходила сестра, сердито поглядывая на нас. Пришла в четвертый раз и сказала строго:

— Анкудимова, на перевязку!

Т. Яблонская (Киев). СКОРО ЛЕТО.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Л. Острова (Ленинград). РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ.

Н. Новиков (Москва).
В НОВОМ ДОМЕ

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

В. Нечитайло (Москва). ДОЯРКА НИНА ЧУБ.
(Колхоз «Путь Ленина», Кореневского района)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЖУРНАЛЫ В МАРТЕ

Ал. ДЫМШИЦ

Итак, обзор...

Трудный жанр: от него всегда ждут полноты, всеохватности подхода к материалу.

А материал огромен. Журналов много. В журналах десятки интересных произведений. Где уж все их охватить!

Надо действовать избирательно!

И да простят мне авторы и читатели, если я многого не назову, на многое не откликнусь. Это, как говорится, не «со зла» и не от невнимания.

* * *

Читаешь книжку за книжкой, мартовские номера журналов и видишь, что литература наша в большом пути. Призыв партии осваивать современные темы, находить и освещать главное и решающее в борьбе народа за коммунизм глубоко вошел в сознание писателей, вызвал в их сердцах горячий отклик. Он отозвался в делах, в творчестве.

Сколько хороших, сердечных стихов напечатано в третьих книжках журналов! Назову лишь часть, то, на что не могу не отозваться. В журнале «Знамя» — чудесные новые стихи Александра Прокофьева, раздумчивые, звучные, полные радостного, поэтического восприятия жизни. В «Новом мире» — глубокие по мысли лирико-философские стихотворения Баграта Шинкубы, известного абхазского поэта. В «Октябре» — умные и прочувствованные стихи Василия Федорова, глава из поэмы «Седьмое небо».

Среди стихов, опубликованных в «Юности», выделяется лирический цикл Риммы Казаковой, в котором гражданственность одушевлена сердечным теплом. Отличные стихи Новеллы Матвеевой и Светланы Евсеевой поместила «Молодая гвардия». Интересна большая подборка произведений молодых поэтов России в журнале «Москва». «В краю Калевалы» — так озаглавлен цикл лирических стихов Марии Комиссаровой («Звезда»). Хорошие стихи о рабочих людях написал Марк Лисянский («Октябрь»).

В «Дружбе народов» — истинный праздник поэзии: лирика Максима Рыльского, Эдуардаса Межелайтиса, подборка стихов эстонских поэтов Иоханнеса Семпера, Деборы Вааранди, Марта Рауда... Семен Липкин представляет новые переводы балкарского поэта Кайсына Кулиева... Кайсын Кулиев, в свою очередь, представляет первую балкарскую поэтессу Танзили Зумакулову...

С волнением читаешь стихи о Норвегии Бориса Лихарева в «Неве». Они вышли в свет через несколько дней после смерти автора... Вспоминается Борис Лихарев, писатель и солдат, участник обороны Ленинграда и освобождения Норвегии, человек скромного мужества, друг, товарищ, поэт. Он создал много прекрасных стихов, написал поэму о Юлиусе Фучике и не раз возвращался к норвежским впечатлениям. Он был горячим интернационалистом и таким еще раз предстал в своих предсмертных стихах, обращенных к Норвегии, к ее народу:

Здесь мы прошли от боя к бою,
Здесь наш в горах впечатан путь.
Мы к горняку и китобою
Сюда пришли, чтоб мир вернуть.
Что может жарче быть на свете,
Друзья мои, чем наша кровь?
Она лилась на скалы эти,
И ты — навек моя любовь!

Сердце Бориса Лихарева, которого знали и любили многие, замерло. Но оно продолжает жить и биться в стихах, которые поэт-коммунист оставил народу...

Мартовские номера журналов богаты очерковой прозой. Тут очерки Всеволода Иванова о путешествии по Сибири и очерк И. Осипова «Разведчики сибирской нефти» («Новый мир»), французские впечатления Семена Шуртакова («Молодая гвардия») и американские зарисовки К. Непомнящего («Октябрь»), записки молодой учительницы Надежды Богдановой «Я узнаю жизнь» («Москва»), интересные очерковые раздумья писателей Виктора Полторацкого, Сергея Викулова («Октябрь»), Николая Вагнера («Звезда»).

Есть в журналах и мемуарная проза. Это блестяще написанные воспоминания Корнея Чуковского о Куприне («Новый мир»), обстоятельные воспоминания Ольги Матюшиной о Всеволоде Вишневском («Звезда»).

Почти во всех литературных журналах обильно представлена критика. Хочется отметить некоторые статьи, проникнутые духом борьбы за идейность литературы, за укрепление ее воспитательной роли. На мой взгляд, к таким статьям относятся выступления П. Глинкина в «Неве», П. Николаева в «Москве», В. Назаренко в «Звезде». С позиций партийности написаны и содержательные читательские статьи о литературе — врача Ларисы Крячко и педагога Ю. Идашкина («Октябрь»); авторы борются против мещанских вкусов и настроений. Удивляет раздел «Литературная критика» в журнале «Новый мир». В нем помещена одна-единственная статья (к тому же весьма уязвимая по содержанию), посвященная проблемам истории критики,— «Чернышевский или Антонович?» И это в наше время, после исторического партийного съезда, принявшего новую Программу КПСС, содержащую важнейшие эстетические мысли, обращенные к нашей современности!

Новые произведения прозы находим мы в мартовских номерах. О некоторых из них еще рано судить, они будут продолжены в апрельских книжках. Это роман В. Тевекеляна «Гранит не плавится» («Москва») и роман Ю. Бондарева «Тишина» («Новый мир»). О других скажу поневоле кратко, полагая, что они еще встретят в печати подробный разбор. Среди таких произведений повесть молодого дагестанского писателя Ахмедхана Абу-Бакара «Даргинские девушки» («Дружба народов») — яркая, поэтичная вещь о жизни высокогорного аула; повесть-быль Валерия Аграновского «Нам — восемнадцать» («Молодая гвардия»); роман П. Вершигоры «Дом родной» («Нева»); лирическая повесть Ирины Гуро «Московские бульвары» («Октябрь»); мужественная солдатская повесть Е. Ярмагаева «Время нашей зрелости» («Звезда») — о молодых воинах Ленинградского фронта. Каждое из этих произведений заслуживает особого разговора.

Хочется упомянуть рассказ из сельской жизни Семена Шуртакова «День грядущий» («Москва») и группу рассказов в «Молодой гвардии», где рядом с известными писателями (Н. Воронов, Л. Воробьев, О. Смирнов) выступает В. Шукшин, молодой, совсем недавно дебютировавший рассказчик, обладающий умением увлечь читателя напряженным повествованием и живыми диалогами.

«Испросив» в начале обзора право на избирательный подход к журнальным новинкам, хочу остановиться на четырех произведениях прозы: на романах С. Залыгина «Тропы Алтая» («Новый мир») и Мих. Жестева «Татьяна Тарханова» («Звезда»), на повести В. Тендрякова «Короткое замыкание» («Знамя») и «Рассказах бабки Василисы про чудеса» Галины Николаевой («Октябрь»). О них-то и пойдет речь далее.

* * *

Это все очень разные произведения — и по темам, и по жанрам, и по стилям. И очень разные писатели (каждый — ярко выраженная индивидуальность) написали их. И все же есть в них нечто очень важное и «сущностное», что позволяет говорить о них вместе. Чувствуется, что все они созданы в наше время, в период выработки и принятия новой Программы партии с ее четкими моральными принципами, полными ленинской силы и страсти. Глубокие раздумья над нравственными проблемами, над идейными основами, над этическими идеалами советских людей характерны для этих произведений.

Мих. Жестев — писатель, долгие годы работающий в очерковых жанрах. В «Татьяне Тархановой» он предстает как романист. Вдумчиво и обстоятельно, на путях сложных жизненных испытаний показаны герои его романа. История Татьяны Тархановой, из безвестной сиротинки выходящей в передовые ряды нашего общества, в ряды его партийных воителей, история ее деда Игната Тарханова, богатая житейскими превратностями, трудовым мужеством и мудрым социальным опытом, написаны Жестевым широко и впечатляюще. Во всем хорошее знание быта, обстоятельств и особенностей времени, психологическая наблюдательность.

Игнат и Татьяна нелегкими путями идут к постижению идей партии. «Человек ощущает смысл своей жизни тогда, когда то, что он делает в настоящем, связано с его думами о будущем» — эти слова, мимоходом сказанные Жестевым, полны нравственного смысла. Они говорят о связи человека с обществом. Они многое объясняют в судьбах героев Жестева. Была пора — Татьяна шла на комбинат без ясной цели. Не было у нее тогда «сознания единства между своими желаниями и какой-то общественной необходимостью». Но время, опыт жизни сделали свое — и Татьяна выросла духовно. Низко опустив голову, слушала она нерадостные рассказы деда Игната о трудной жизни в родной деревне, и чем больше он говорил ей «об истощенной и лишенной плодородия земле, тем все больше и больше в ней зрела решимость поехать в деревню». Она увидела в этом свое человеческое призвание. Партийность стала ее естеством, пронизала все ее чувства, оказалась высшим мерилом нравственности. «И как никогда до этого, она вдруг ощутила, что нельзя жить только своим домом, своей семьей и даже одной своей работой. Надо жить мыслями и делами всех людей. Засуха чувств неизбежна там, где человек уходит от большой жизни, где он живет лишь собой и тем самым разрушает свою любовь».

«Счастье и партия едины» — хорошо, верно это сказано у Жестева. Эту мысль подтверждают судьбы героев его романа. Можно высказать немало замечаний писателю (и прежде всего, что образ Игната вышел ярче и характернее, чем образ Татьяны), но нельзя не одобрить идейный пафос его «Татьяны Тархановой». Роман учит жить сознательно, ответственно. Он проникнут истинным гуманизмом — преклонением перед человеком, его трудом, силой, духовным богатством.

Роман С. Залыгина «Тропы Алтая» — что называется, широкое полотно. В нем много героев и много проблем, люди разных возрастов и разных профессий,— научная экспедиция, объединившая старых и молодых ученых, доцентов, аспирантов, студентов. Это произведение говорит о художественной зрелости автора. Залыгин поэтически обогащает наши представления об Алтае, заставляет нас вновь и вновь задумываться над проблемами науки и творчества, любви и дружбы.

Не буду пересказывать большой роман. Да и зачем это делать? Пересказы, как правило, убивают

красоту предмета. А роман Залыгина красив и духовно, нравственно, и поэтически, в пейзажах, в слове. Пусть читатель сам знакомится с этим произведением, сам ощутит его обаяние. Здесь же хочу сказать, что роман утверждает идею жизни умной и творческой. Есть в романе эпизод, когда студентка Онежка Коренькова разговаривает с географом Рязанцевым о жизни и смерти,— и всею логикой этого разговора утверждается социальный смысл жизни: в борьбе, до последнего удара пульса. У Залыгина, как и у Жестева, как у всех художников, видящих человека в его общественных связях, естественно внимание к духовному развитию героев, к преодолению всяческих индивидуалистических пережитков, еще нередко встающих помехой на путях людей. Эта тема связана со многими персонажами романа — для одних она острее, для других менее значима. Мельком, но точно думает об этом Рязанцев, возвращаясь из экспедиции: «Про себя же он подумал, что, должно быть, навсегда прошло для него время, когда собственные чувства были ему нипочем: он их порождал, он ими и владел», что «с возрастом чувства становились не слабее, а сильнее...»

Неожиданной предстает Галина Николаева в «Рассказах бабки Василисы про чудеса». Такой, всецело погруженной в словесную поэзию фольклора, в стилистику русского сказа, мы Николаеву не знали, не ведали. Мы знали ее — поэта, всегда чувствовали поэтичность ее прозы, но эта богатейшая связь с народносказовой поэтичной речью открылась у Николаевой впервые. Написаны ее «Рассказы бабки Василисы...» мастерски — так и видишь сказительницу, чувствуешь за словом жест, за образом — переживание, в каждой интонации ощущаешь сердечные движения.

И опять-таки, думая об этих созданиях поэтической прозы, хочется прежде всего говорить об их нравственной силе. Какой могучий русский, советский характер — характер матери человеческой — выступает в рассказах бабки Василисы! «В каждом чуде не без человека. А в каждом человеке не без чуда»,— говорит Василиса Власьевна. И сама она прежде всего чудо-человек. Сколько в ней любви к людям, строгой, сердечной, деятельной, сколько муки приняла она за долгую свою жизнь, и как мудро одолела она все испытания! Для того, чтобы поднять и воспитать детей, вырастить их патриотами, поднять вслед за детьми и внуков, Василисе Власьевне мало одного материнского сердца, одного порыва чувств. Для этого ей мало жить родным домом. Ей, малограмотной, надо было расширить свои интересы до интересов общегосударственных. Только приобщившись к революционной жизни страны, Василиса сумела приобщить к ней и детей своих и внуков.

И каких детей вырастила Василиса! Волнующий рассказ «Ищи на орле, на правом крыле...» рисует чудесный образ любимой дочери Грани, потерявшей на войне ноги и руки, но не вышедшей из строя. Рассказ «Талант» ставит рядом с образом матери-воспитательницы образ невестки, верной жены бабкиного сына-авиаконструктора, воспевает «редкий, тихий, неприметный, изо всех самый некорыстный — талант жены». Много чувства, житейской мудрости, много истинного душевного веселья в рассказах бабки Василисы. Острый, меткий глаз у рассказчицы — все-то она видит: и как портят людей и жизнь «похвалки» чрезмерные, и как поднимает человека творческий труд, и как хорошо жить по-ленински, и как сильна и целительна «нагольная правда не без горчины», и какой у нас прекрасный народ — единый, дружный, крылатый. Очень хороши рассказы бабки Василисы, славящие чудо-человека, проникающие в самую природу советских человеческих чудес.

Небольшая повесть В. Тендрякова «Короткое замыкание» написана талантливой рукой. Все здесь динамично, люди видны четко, обрисованы несколькими выразительными штрихами, несколькими короткими репликами. Проблематика повести этическая (нравственные вопросы всегда волновали и волнуют Тендрякова).

Мне представляется, что основная мысль писателя, высказанная

Петух-пустозвон

Басня

О. ИВАНОВ

Петух Горластый — всем другим
на диво —
Имел не только красный гребень,
но и дивный хвост!
Он выдвинут был на солидный
пост!
И выглядеть стал удивительно
красиво.

Приняв на птицеферму
назначенье,
Не став себя сомненьем изводить,
Пришел Горластый в птичье
помещенье
Не кукарекать, а ру-ко-во-дить!

Обставил кабинет: ковры, диваны,
вазы,
Стол заседаний на двенадцать
мест!
Огромный сейф, чтоб складывать
приказы,
И над столом — ореховый насест!

Средь птичьего народа ликованье:
Авось, пришла заветная пора!
— Несушки! Прекращайте
отставанье!
Кричите горлопану нашему
У-р-р-р-а!

В районе слет,
Петух речами занят —
Он обязательства горланит.
За обещаньями все новое дает!

Проходят дни, недели!
Тают сроки!
А заседаньям нет конца:
Даются красноречия уроки!
Лишь нет продукции — яйца!

Живет Горластый безмятежно
в славе,
Очки втирает без конца...
Но как-то раз
Спросили те, кто вправе,
С куроводящего лица
Насчет яйца!

Где обещаньям пышным срок?
И почему на ферме вместо кур
Лишь сборище болтливых дур?
Какой из критики ты делаешь
урок?

Горластый растерялся, стал понур,
Чего-то под нос бекал, мекал,
Забыл и обязательства, и кур
И очень вяло ку-ка-рекал!

Бил шпорой в грудь,
Был «искренне» смущен...
Но, к счастью, был
Смещен!

* * *

Мы кадры выдвигаем смело,
Но надо больше тех, кто знает
дело.
Поменьше петухов горластых,
Для дела каждого опасных!

Лицемеры из

Г. ГУРКОВ

Западногерманский журнал «Бунте иллюстрирте — Мюнхнер иллюстрирте» озабочен. Его весьма беспокоит развитие событий в Юго-Восточной Азии. Точнее, в районе Индонезийских островов. Еще точнее, в районе Западного Ириана. «Холодная война становится горячей,— констатирует журнал.— Если в конце концов не победит разум, то сказочный островной мир Океании станет ареной военного столкновения одного европейского государства с его бывшей колонией».

«Бунте», как видите, взывает к разуму. В высшей степени похвальная позиция. Ждешь, что, сказав «а», журнал должен произнести и «б», то есть выступить за мирное урегулирование вопроса о Западном Ириане и возвращение его Индонезии. Ведь это и есть единственно правильное, единственно разумное решение вопроса.

Ничуть не бывало! У западногерманского журнала свои взгляды на логику и на факты. Виновником напряженности и военной опасности «Бунте» объявляет не голландских колонизаторов, отказывающихся уйти с исконной индонезийской территории, а Индонезию. Естественное стремление индонезийского народа и правительства освободить соотечественников от колониального гнета «Бунте» позволяет себе называть «покушением на суверенные права иностранного государства».

Известно, что Бонн последователен в симпатиях к прогнившим колониальным режимам и в крайней неприязни к народам, отстаивающим независимость и свободу. Вспомните, сколько крокодиловых слез размазала по своим страницам западногерманская пресса, когда народ Индии вышвырнул из Гоа, Дамана и Диу салазаровских тюремщиков, какая грязная кампания против премьер-министра Неру была раздута в газетах и журналах. На этот раз отравленное оружие клеветы «Бунте», как достойный представитель аденауэровской пропаганды, направляет против президента Сукарно.

Рабство, голод, изнурительный труд на белых хозяев — таков сегодня удел населения Западного Ириана. На снимке вы видите группу местных жителей, которые пришли продать плантатору овощи. Люди выглядят так же, как тысячу лет назад. Убедительная иллюстрация к болтовне о «цивилизаторской миссии» колониализма.

в «Коротком замыкании», хороша и благородна. Истинный гуманизм, утверждает Тендряков, всегда активен, не терпит равнодушия и грубодушия, немыслим без сочувствия. Преображение двух пожилых людей, которым не приходилось волноваться и думать за других и от которых жизнь потребовала участия к людям, духовная встряска душевно загрубевшего Ивана Соковина, внутреннее развитие его сына Вадима, ощутившего свою ответственность перед людьми,— все это говорит о том, что жить надо сознательно, гуманно, правдиво и чисто. «Через пять минут Новый год, триста шестьдесят пять новых дней. Как их прожить? Стоит подумать» — такими словами кончается повесть, зовущая жить по законам гуманизма.

И все же в новой повести Тендрякова чувствуется некоторая нечеткость идейных решений. Отцы и дети... Только последние сознательно пробиваются к правде убеждений и чувств. Люди старшего поколения либо бессердечно-деспотичны, либо общественно-равнодушны и благодушны. Надо ли доказывать, что такое освещение темы одностороннее! Образ рабочего человека Саньки Горячева дан через восприятие Вадима Соковина, и в это восприятие вплетается оттенок противопоставления будничного героизма героике подвига. Да и самый образ Вадима разработан слишком робко. Ведь Вадим мог быть не только «оппонентом» своего отца; он сам молодой руководитель и мог бы выступить именно в этой роли, противопоставленный Ивану Соковину — «командиру» энергосистемы, забывшему о людях. Об этом стоит подумать...

* * *

Наш обзор коснулся далеко не всех литературных журналов. Мы не имели возможности обозреть периферийные издания — такие журналы, как «Сибирские огни», «Дон», «Урал» и другие. Мы не остановились на литературных альманахах. Мы не коснулись литературных материалов в журналах «нелитературных». Прав был Козьма Прутков: «Никто не обнимет необъятного».

И все же хочется сказать еще несколько слов об освещении вопросов литературной теории в текущих журналах. В № 4 журнала «Коммунист» помещена ценная статья В. Иванова «Заметки о некоторых литературных спорах». Тема статьи чрезвычайно значительна, выводы ее весьма существенны. Статья решительно предупреждает против субъективизма в обсуждении творческих вопросов, она справедливо критикует ошибочную теорию самовыражения, предвзятые оценки в критике, пытающиеся возродить осужденную партией практику необоснованных политических обвинений.

Без творческих дискуссий, без делового и принципиального обмена мнениями не может быть плодотворного развития литературы. Но надо, чтобы дискуссии велись правильно, в обстановке здоровой творческой критики и самокритики. В этой связи нельзя не сказать о том, как ведутся обсуждения на страницах журнала «Вопросы литературы», уделяющего большое место дискуссиям. В мартовском его номере начато обсуждение статьи С. Гайсарьяна, посвященной вопросам новаторства в литературе. Это — начало обсуждения, не будем поэтому спешить с оценками и выводами. Статьей В. Кожинова продолжается обсуждение проблем эстетики. Большое место в номере занимает обсуждение трехтомной «Истории русской советской литературы» — издания, подвергшегося серьезной и обоснованной (особенно в отношении III тома) критике в печати. К сожалению, и в некоторых высказываниях участников обсуждения, в статье «От редакции» чувствуется стремление оправдать, замазать недостатки трехтомника, и в особенности его последнего тома. Вряд ли можно считать достаточно объективными и доказательными некоторые оценки, содержащиеся в статье Ф. Светова о прозе минувшего года. Ф. Светов проявляет иногда очевидную предвзятость, иногда же явную уклончивость. И то и другое не может четко ориентировать читателя. От специального журнала теории и критики ждешь большей ясности и принципиальности суждений как по вопросам истории советской литературы, так и в связи с литературой текущей.

«Бунте» не только изощряется во лжи и оскорблениях, но еще и лицемерит. «Зачем Индонезии Западный Ириан? — разыгрывают наивное удивление его редакторы.— Ведь район, о котором идет речь, богат только квадратными километрами. Для Голландии это — воспоминание о прежнем мировом величии, «колония престижа». И пусть бы все оставалось так, как было»...

Разумеется, господ из «Бунте» мало волнует судьба населения Западного Ириана. О жителях острова журнал пишет с нескрываемым пренебрежением: «Папуасы, примитивные, как люди каменного века».

Журнал публикует фотографии: жалкие хижины на берегу океана, люди, единственная одежда которых — набедренная повязка. А вот другой снимок: испитая физиономия, на берете жандармская эмблема. Подпись: «Мнение немногих цивилизованных папуасов — лучше быть голландскими, чем индонезийскими».

Да, так считают предатели, которые получают свои сребреники у голландцев. Но это не мнение народа Западного Ириана, **стремящегося к воссоединению с родиной!**

«Бунте» пытается создать впечатление, что причина чудовищной нищеты и отсталости населения Западного Ириана не голландское владычество с его зверским колониальным гнетом, не выкачивание природных богатств Западного Ириана, оседающих золотом в амстердамских банках, не алчность монополий, в грош не ставящих интересы угнетенного народа. Всему виной, оказывается, ...личные качества местных жителей. «Ни один народ земли не отличается такой воинственностью, как папуасы», «трудолюбие не является их высшей добродетелью», — подобными откровениями расистского толка заполнен до отказа репортаж «Бунте».

Но почему же, если все обстоит именно так, как пишет «Бунте», если, кроме хлопот, Западный Ириан ничего не приносит Голландии, колонизаторы все же цепляются за него? Престиж? Воспоминание о прошлом? Разумеется, нет! Позицию колонизаторов определяют вполне материальные и вполне современные факторы. Взгляните на карту. Начисто опровергая все, что сказано на соседних страницах о «бесполезности» Западного Ириана, опровергая самого себя, журнал пишет: «Наша карта ясно показывает международное значение островного мира Юго-Восточной Азии, где, помимо Голландии, имеют владения и базы также США, Великобритания, Австралия и Португалия».

Западный Ириан для империалистических кругов Голландии и ее союзников по военным блокам — важный опорный пункт в Азии, значение которого определяется в первую очередь стратегическими соображениями.

Колониализм не хочет добровольно уходить с мировой арены, он огрызается, он готов в любой момент перейти в контрнаступление. Вот почему так цепко держатся колонизаторы за последние бастионы былых империй.

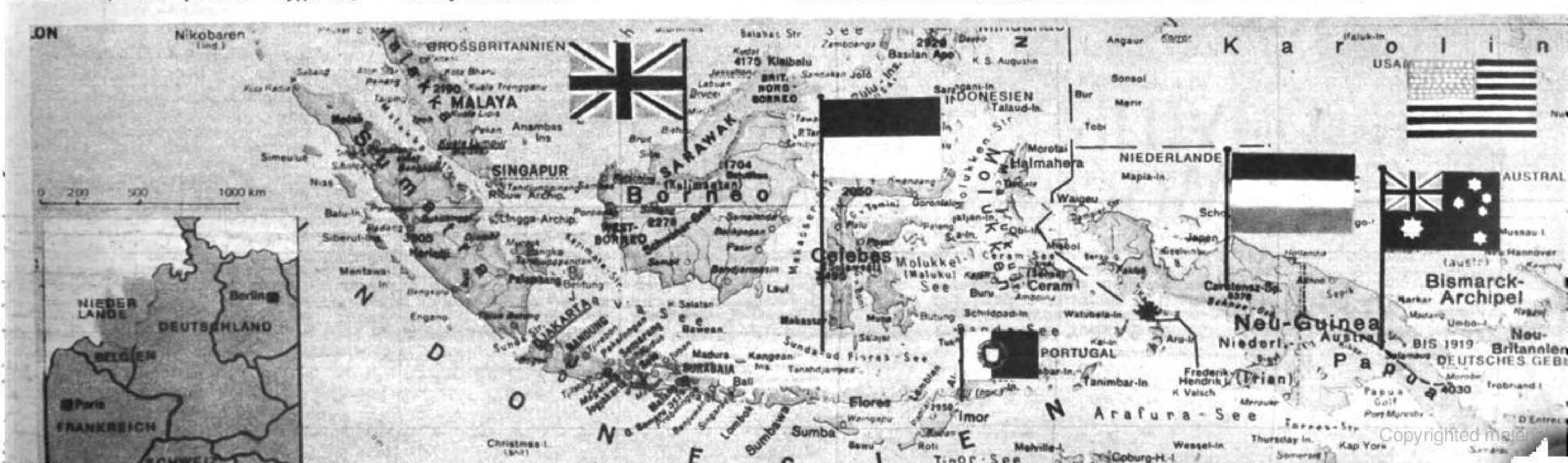
Но эти бастионы рушатся один **за другим. Наступит час и для Западного Ириана. Над его многострадальной землей поднимется знамя свободы. И ничто не сможет этому помешать!**

Распятие и авианосец — оружие голландских колонизаторов.

Саморазоблачение «Бунте». Карта колониальных владений империалистических держав в районе Индонезийских островов.

Анхела Алонсо — героиня оперы

И. ВЕРШИНИНА

Нет, никто не может сказать, что Анхела Алонсо не умеет владеть собой. И тем не менее, увидев это сообщение, Анхела растерялась. А газета уже переходила из рук в руки, друзья читали, радовались, поздравляли. Московский корреспондент газеты «Революсьон», которая выходила здесь, в Гаване, Хуан Аркочи писал из СССР, что советский композитор Константин Листов создал оперу о Кубе. В этом сообщении, собственно, не было ничего удивительного. Анхела знала о большом интересе и любви советских людей к Кубе. Но каково же было ее изумление, когда она прочла, что опера посвящена ей, Анхеле Алонсо! Она героиня оперы!

Значит, ее знают в Москве?

Как же это могло случиться?

А в Москве Анхелу Алонсо действительно знали. И не только авторы оперы.

Эту фотографию прислала Анхела авторам оперы.

Ее портрет висит сейчас на Всесоюзной художественной выставке. Но знали ее в советской столице еще раньше.

Это было весной прошлого года. На улицах Москвы появились плакаты, сообщавшие о выставке молодых художников В. Иванова и П. Оссовского, посвященной Кубе. На плакате нарисована девушка. Стройная фигура, черные локоны падают на плечи; красивое лицо, мужественное, волевое и вместе с тем кокетливое; руки привычно и решительно лежат на автомате. Девушка нарисована была на фоне развернутого знамени республики и воспринималась как символ Кубы — страны прекрасных молодых борющихся людей. Это и была Анхела Алонсо...

Их знакомство состоялось в Гаване. Художникам, приехавшим туда туристами на месяц, хотелось зарисовать все.

В одном из переулков Гаваны в здании Федерации женщин им охотно позировали веселые девушки с модными прическами, с браслетами на руках, сжимающих автоматы. Среди них была и Анхела.

В редакции газеты «Нотисиас де Ой», органа Народной социалистической партии Кубы, они узнали историю Анхелы. Рассказал им эту историю редактор газеты Карлос Рафаэль Родригес.

Жених Анхелы во время диктатуры Батисты участвовал в подпольной борьбе и не раз попадал в руки полиции. Его там жестоко истязали, но, вырвавшись на свободу, он продолжал борьбу. В последний раз, когда полиция напала на его след, друзья предупредили его об этом слишком поздно. Дом, где он находился вместе с Анхелой, был окружен, и ему вновь грозил застенок Батисты, грозила зверская расправа. Боясь не вынести новых мучений и под пыткой в бреду подвести товарищей, юноша попросил свою невесту дать яд. Когда полицейские ворвались, юноша был мертв.

Они схватили Анхелу и долго жестоко избивали ее, переломали руки, пробили голову... Когда Анхела поправилась, она ушла в горы Сьерра-Маэстра и вступила в Армию повстанцев. За храбрость, проявленную в боях, девушка получила личное оружие от Фиделя Кастро.

Необыкновенная история Анхелы, ее сильный, прекрасный, мужественный образ вдохновили одного из старейших советских композиторов, Константина Яковлевича Листова, и либреттистов К. Полякова и С. Медового на создание оперы «Дочь Кубы». Так появилось в кубинской газете сообщение, с которого мы и начали наш рассказ. Вскоре в Москву Хуану Аркочи пришло письмо из Гаваны.

«Для меня, простого солдата Родины,— писала Анхела,— большая честь, что моя жизнь послужила темой для оперы, в то время как наша любимая Куба, как Вы знаете, имеет стольких замечательных героев. Все, что я сделала, а сделала я очень мало, было выполнением моего долга, который заключался и заключается в борьбе.

Со смертью моего любимого во мне умерли все мечты о любви и о личном счастье, а сообщение из Москвы сделало меня счастливой. Я получила признание народа, самого героического в мире! Очень прошу Вас послушать оперу и написать мне. Я не сомневаюсь, что опера будет иметь большой успех, так как я знаю об огромном таланте советских людей и об их большой любви к Кубе.

Анхела Алонсо».

Это письмо кубинский корреспондент показал создателям оперы. И теперь уже в Кубу «нашей Анхеле» шло письмо.

«...Написан клавир,— писали Листов и его товарищи,— ведется оркестровка оперы, но уже несколько театров в стране заявили о желании ее поставить.

Мы рады, что содержание и музыка нашего произведения понравились Вашим соотечественникам, которые ее слушали. (А слушали ее и в кубинском посольстве и кубинские музыканты, приезжавшие в Москву.— И. В.)

Мы с нетерпением ждем дня премьеры оперы — это будет через несколько месяцев — и очень надеемся и верим, что сможем в эти дни увидеть и обнять Вас на земле нашей Родины, в Москве.

До свидания, наша Анхела! Мы были бы рады получить от Вас

Анхела Алонсо.
Рисунок В. Иванова.

письмо и, если можно, фотографию, ведь мы Вас знаем только по рисунку.

Посылаем наш скромный подарок — альбомы «Куба» и «Наша Родина». И наша Родина и Куба — в наших сердцах.

Обнимаем Вас,

Ваши друзья».

И вот ответ Анхелы:

«Дорогие товарищи!

Несмотря на то, что наш язык очень богат, я сейчас не могу подобрать слов, чтобы передать глубокое волнение, с которым я читала Ваше письмо. Читая его, я почти физически ощутила братскую теплоту, которую Вы питаете ко мне, к моему народу, к нашему делу.

Когда я начала писать, я подумала о Вас, почувствовала радость от сознания, что обо мне помнят, а также от замечательной возможности познакомиться с Вами, услышать и увидеть поставленным Ваше произведение и посетить Москву, героическую и любимую колыбель свободы всего мира.

...Особенно благодарю Вас за альбом: он даст мне возможность ближе познакомиться с Вашей Родиной, которая немного является Родиной и для меня, так как я ее люблю.

Примите мои самые наилучшие выражения симпатии, теплоты и бесконечной благодарности.

Анхела».

К этому остается лишь добавить, что оперу сейчас ставят многие театры страны. Недалек тот час, когда поднимется театральный занавес и горячие, страстные кубинские мелодии заполнят зал. И среди слушателей премьеры мы, наверное, увидим знакомую черноволосую девушку — замечательную кубинскую революционерку Анхелу Алонсо.

Интервью «Огонька»

Хочу вернуться в Москву

У него умные, с грустинкой, усталые глаза. Худощавое, с впалыми щеками, подвижное лицо, изящные, очень точные жесты... Советские зрители помнят Эдуардо Де Филиппо, игравшего в фильмах «Девушки с площади Испания», «Неаполь — город миллионеров». Знают у нас и Де Филиппо-драматурга; его пьесы: «Вор в раю», «Призраки», «Филумена Мартурано», «Моя семья», «Ложь на длинных ногах» — идут на советской сцене.

Он написал около ста произведений. Комедии Де Филиппо не всегда смешны: чаще они печальны, жестоко сатиричны и всегда социально направленны. Драматург видит, как живут люди в бедных кварталах Неаполя и с заботливым беспокойством рассказывает о повседневных горестях и скоропреходящих радостях своих земляков.

Еще юношей Эдуардо вместе с сестрой Титиной и братом Пеппино начал выступать в смешных фарсах на сцене. Потом Эдуардо создал свой театр. Теперь москвичи и ленинградцы познакомились с Эдуардо Де Филиппо — театральным актером и режиссером — и его Драматическим театром. Гастроли театра в Москве открылись комедией «Призраки».

— Четыре года назад,— рассказал нашему корреспонденту Де Филиппо,— я впервые очутился в Москве и полюбил ее; уже с тех пор мне очень хотелось приехать сюда вновь, познакомить советских зрителей с моим театром. Обычно мы играем в нашем театре только мои пьесы, но в этом году вся Италия отмечает 25-летие со дня смерти замечательного драматурга Пиранделло; показом «Колпака с бубенчиками» мы хотели почтить его память... Пиранделло был моим другом; по его замыслу мы вместе с ним писали пьесу «Новое платье».

Драматический театр Эдуардо Де Филиппо, как я уже говорил,— это театр, где идут мои пьесы. Мы ставим обычно только одну пьесу и играем ее ежевечерне до тех пор, пока она делает сборы. Труппа у нас небольшая — только участники спектакля. Отправившись в ответственное заграничное турне, мы значительно увеличили свой состав; в Советскую страну приехали 22 актера.

Выступает наша труппа в театрах разных городов, например, на сцене театра Элизео в Риме. А весной обычно мы выступаем в моем театре Сан-Фердинандо в Неаполе. Собственно говоря, я возглавляю две труппы... Лет восемь назад

Н. ТОЛЧЕНОВА

Взгляд понизу

Молодые герои кинокартины «Горизонт» наверняка не оставят вас равнодушными. Вы будете то хмуриться, глядя на их — чаще извинительные, впрочем,— шалости, то, напротив, ласково улыбнетесь, наблюдая за детской еще непосредственностью поступков. Словом, живых эмоций вам, пожалуй, хватит на все время, пока черно-белые кадры нового фильма, чередуясь, мелькают и сменяются на экране. И даже возвращаясь из кинотеатра домой, вы, быть может, еще вспомните не без приятности, как смешно и вместе с тем интимно, доверительно начапась картина. Юные целинники — бывший десятый класс «А» — только что добрались до места назначения. В отчаянной суматохе и неразберихе чуть не забыли в грузовике свою подружку Машку: умаялась бедняга и заснула точно убитая... Она и дальше немало позабавит вас, эта славная, потешная девчушка. Да и некоторые другие, более удачливые ее товарищи могут понравиться вам своей сердечностью, бесспорно присущим им чувством юмора.

О своих целинных впечатлениях эти занятные ребятишки—то бишь молодые рабочие огромного зернового совхоза — рассказывают будто совсем непритязательно, разве что несколько сбивчиво, торопясь и волнуясь. Рассказывают обо всем, что врезалось им в память или даже просто попалось на глаза,— обо всем, в чем разобрались и в чем не разобрались,— ничуть не заботясь об отборе главного. С наивным эгоизмом и самоуверенностью юности они придают всему увиденному свою собственную оценку, правда, весьма неглубокую, весьма поверхностную...

«Ну что ж,— думаете вы,— так это же почти еще дети. Значит, и глаз у них пока еще такой, маленький...»

Всяк на свой лад, всяк посвоему воспринимают молодые герои новую, необычную жизнь — кто беззаботно хохоча и веселясь, кто грустя и печалясь, кто возмущаясь и сердясь... Пресловутый «поток», вернее, даже многие разрозненные потоки жизни — где светлые, где мутноватые, но, увы, одинаково мелконькие,— бегут, бегут мимо вас, журча и пенясь, забавляя своим сверканием и лепетом, гоня куда-то случайную щепу и мусор... Сольются ли они воедино, дадут ли начало чему-то большому, живому, настоящему?.. Либо так и сбегут по поверхности и исчезнут, ничего по-настоящему не затронув, не вызвав к жизни на земле?..

Вот парень. Он совсем было стал дезертиром. Но нет, кажется, раздумал все-таки уезжать и, по всей видимости, останется на целине. Торопливо идет он со станции обратно, к своему десятому «А», который сам, своими руками строит для себя дом — большую избу. У парня родится ребенок, возможно, сын. Поэтому парень спешит. На станцию же прибывает новый эшелон. Суетится новая толпа будущих целинников, шумливая, беззаботная. Эти ребята еще совсем ничего не знают о жизни, о трудовом целинном хлебе. Все у них впереди: и радости и разочарования... А пока ни одной судьбы значительной, ни одной фигуры крупной.

Ну, а «горизонт»?..

Обрели или нет герои фильма то самое чувство горизонта — драгоценное чувство возмужания, чувство осознанной ответственности перед собой и перед народом, перед страной,— ради которого, видимо, и создавали фильм сценарист Г. Бакланов и режиссер И. Хейфиц? Нельзя же поверить, в самом деле, что многообещающее и столь значительное слово «горизонт» было придумано, чтобы хоть так придать вес маленькой, камерной теме, хоть так усилить, расширить узкий и бедный замысел!..

А ведь в картине все осуществлено согласно этому замыслу, все подчинено ему.

— Дети, дети... Десятый класс «А».

Внутренняя их незрелость, инфантилизм их подчеркнуты в фильме всячески. Вот они кидаются беспечно горбушкой хлеба за ужином, осваивают премудрость лошадиной упряжки, поют под гитару в ночной степи сентиментальные, модно приглушенные песенки, целуются, спорят под нескончаемым дождем о смысле жизни с добродушным и недалеким директором совхоза, жонглируют поговорками и пословицами, щеголяют дешевым остроумием...

Мелькают детали, детали, еще и еще детали... Почти все они действительно забавны. Но напрасно вы будете ждать, что вот-вот произойдет на экране то волшебное чудо искусства — чудо театра и чудо кино,— когда из таких вот разрозненных деталей вдруг вырастает единое ощущение огромной жизни. И не просто жизни человека — даже если в произведении искусства речь идет об одном человеке. А жизни целого поколения, общества, эпохи... Жизни, обретающей в произведении искусства как бы новый смысл, новое звучание — важное и нужное для всех, кто сидит в зрительном зале... Жизни, изнутри окрашенной искусством в те цвета и краски, которые отобрал художник. Жизни громадной, прекрасной, наполненной высоким размышлением о судьбе целой страны, целого народа...

За голосами вчерашних школьников, за их песнями должен бы — вы все время напряженно ждете этого! — возникнуть в фильме какой-то совсем иной мотив — широкий, просторный, напевный. Мотив времени. Мотив молодости, выходящей на жизненную дорогу — самую нужную сейчас для нас всех!.. Но, развлекаясь мелочами, деталями, вы даже не заметили, как фильм окончился и... так ничего и не возникло!..

У создателей картины за темой не стояла идея. Поэтому за персонажами не появились образы. В «Горизонте» прежде всего нет образа героя, нашего современника. Нет и ощущения горизонта — необъятной широты жизни, распахнувшейся перед молодежью.

Частные же наблюдения, порадовавшие было отсутствием внешней парадности, помпезности, так и остались частными наблюдениями. И от этого стала видна их дробность, внешняя и внутренняя, а порою и их нарочитая заземленность, приниженность.

Ребятишки из десятого «А» словно не выросли, не повзрослели. У них не прибавилось ни опыта, ни уверенности, ни духовной красоты, потому что удивительно пусто вокруг них — не у кого им силы набраться.

Самая лучшая, прославленная производственница — знаменитая хозяйка целины, чей портрет изображен на обложке какого-то журнала,— оказывается вовсе обделена радостями жизни, вовсе бедна чувствами и мыслью! И, видимо, не случайно операторы В. Дербенев, В. Карасев и А. Чиров показывают эту замученную работой и беспросветным бытом женщину то в грязном свинарнике возле зачуханного поросенка, то снимают ее совсем уж где-то из-под земли — наполовину высунувшейся из темного подпола...

Думается, прямо к ним — создателям фильмов, подобных «Горизонту»,— обращался Александр Петрович Довженко, когда в своей бессмертной «Поэме о море» писал: «Плохо вы смотрите, глаз у вас маленький, поняли? И смотрите вы понизу».

Вся картина «Горизонт» с ее внешней, кажущейся наивностью, беззаботностью увидена таким вот взглядом понизу. Все события в ней подсмотрены глазом и вправду маленьким, бессильным проникнуть в сущность явлений жизни и сцементировать их воедино волей художника, мыслью художника, идеей и мировоззрением художника.

И это очень симптоматично, что в фильме не оказалось именно того, о чем речь идет: не оказалось горизонта! Поэтому все, что вас забавляло и занимало в картине поначалу,— все те кадры, навстречу которым вы то улыбались, то хмурились,— вдруг словно рассыпалось на отдельные, незначительные, пустые эпизоды. Если что-нибудь из них и вспомнится вам на следующий день, то уж куда как немного. Например, о том, что Машку забыли... А потом и это сотрется.

я заново отстроил разрушенный в дни войны старинный неаполитанский театр Сан-Фердинандо; в постройку эту вложил тогда все свои деньги. Но не жалел. Строил для своего зрителя — народа, простого люда Неаполя. В этом театре по традиции играют на старом неаполитанском диалекте пьесы неаполитанских же драматургов. Первый сезон открыли комедией «Палуммелла» Антонио Петито.

Позднее я решил создать театр Эдуардо Скарпетты, актерским и драматургическим мастерством которого некогда восхищался А. М. Горький, увидев пьесу «Нищета и знатность».

Я работаю как режиссер и в других театрах. И в кино. Не так давно в миланской Пикколло Скала поставил два «Севильских цирюльника» — оперу Пазиелло и оперу Россини.

Пишу много. Летом надеюсь написать пьесу «Экзамены никогда не кончаются»; сюжет ее задуман мною давно. Пишу о любимом Неаполе для итальянского телевидения.

Де Филиппо считает себя учеником русской театральной школы. Его внимание привлекают теоретические труды К. С. Станиславского.

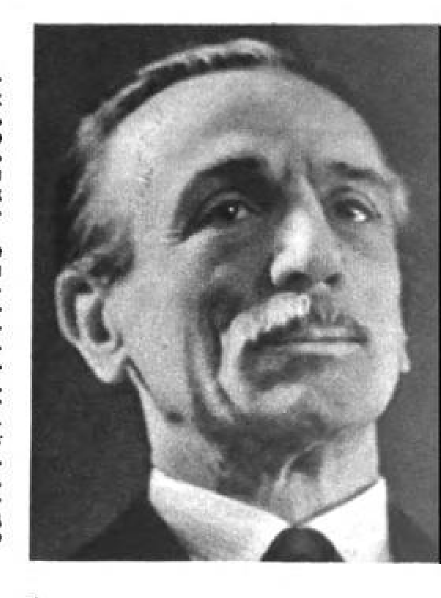
— Система Станиславского,— говорит Де Филиппо,— дает грандиозные возможности для полета режиссерской мысли!..

В первый свой приезд Эдуардо смотрел спектакли московских и ленинградских драматических театров. А в этот раз, только что прилетев в Москву днем, он уже вечером отправился в Большой театр.

— Я смотрел три коротких балета; особенное впечатление произвел на меня «Паганини» с великолепной балериной Кондратьевой. Мы все рады были познакомиться с советской хореографией, славящейся на весь мир. Повезло нам и в том, что наш приезд в Москву совпал с общим праздником искусства — Международным днем театра. Международное понимание — вот что нам всем особенно нужно!..

Мне очень хотелось бы,— заканчивает Эдуардо,— еще раз вернуться в Москву и отдохнуть здесь запросто — побывать у моих добрых советских друзей,— а их много: актеры, режиссеры, писатели... Побродить по улицам города, понаблюдать за людьми, за повседневной жизнью народа. Только так можно по-настоящему узнать страну!

В Советский Союз вместе с Эдуардо приехал его сын Лука, черноглазый, черноволосый мальчик. Он школьник, ему 13 лет. С увлечением отбирал он в гостиничном киоске советские марки для своей коллекции. Быть может, и Лука будет актером; семи лет он впервые выступил на сцене Сан-Фердинандо в пьесе Скарпетты «Нищета и знатность». В этом же спектакле дебютировал некогда и отец Луки — наш гость Эдуардо Де Филиппо.

КАК ДЕЛА, ЛЕГКОАТЛЕТЫ?

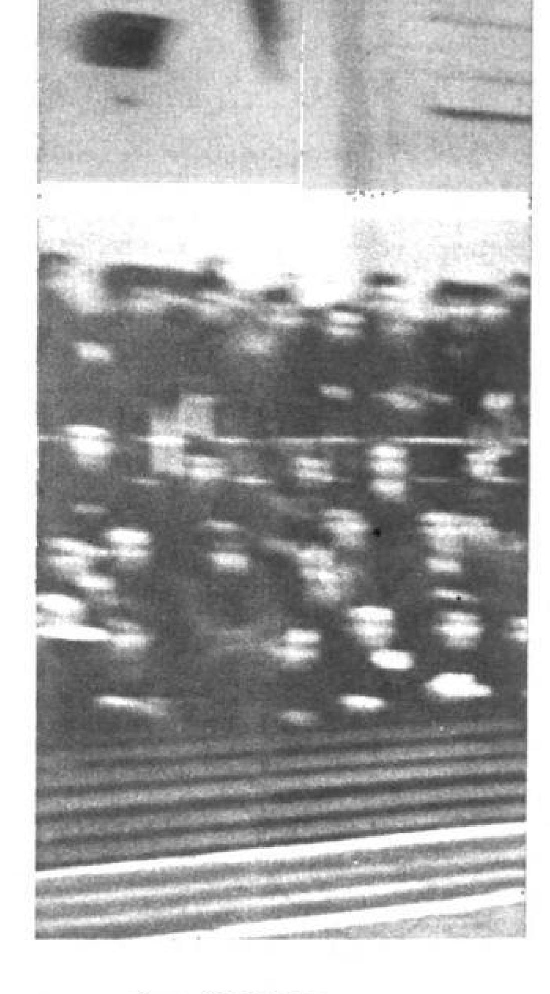

Фото Н. Ананьева и В. Галактионова.

ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

1. Как прошла для вас зима?
2. Ваша цель на лето?
3. Кого вы считаете главным своим соперником?
4. Будет ли в этом году улучшен мировой рекорд?

На эти вопросы отвечают мировые рекордсмены, олимпийские чемпионы, сильнейшие легкоатлеты мира и старший тренер сборной команды СССР.

Чем меньше дней остается до летних стартов, тем больше вопросов волнует зрителей. Еще бы! Ведь на горизонте маячат крупнейшие события: мировой форум бегунов, прыгунов и метателей, оспаривающих призы имени братьев Знаменских, матч СССР — США, чемпионат Европы.

Какова же спортивная форма наших атлетов? Чего они добились за долгие зимние месяцы? К чему стремятся?

О многом хочется узнать болельщику. Вот мы и решили облегчить трудное положение поклонников королевы спорта. Уж очень заманчивый случай предоставил нам спортивный календарь — Всесоюзные зимние соревнования сильнейших легкоатлетов страны в Ленинграде. Там ведь можно встретиться со многими героями спортивных арен. Четыре вопроса мы задали сильнейшим легкоатлетам страны, а старшего тренера сборной команды СССР Г. Коробкова попросили прокомментировать несколько снимков, сделанных на Всесоюзных соревнованиях в ленинградском манеже.

Ирина ПРЕСС,

чемпионка XVII Олимпийских игр, мировая рекордсменка

Быстро пролетела зима. Может, потому, что я большую часть времени уделяла развитию скорости? Скорость — это фундамент победы. Она нужна всем легкоатлетам, не только бегунам, но и метателям и прыгунам. Ну, а мне она нужна вдвойне: ведь я выступаю в пятиборье.

Правда, я и до этой зимы не могла пожаловаться на отсутствие скорости — 80 метров с барьерами я бегаю неплохо. Но в это лето потребуются максимальные усилия, потому что легкоатлетические встречи состоятся на самом высоком уровне и у нас, в Москве, и в США, и в Белграде. Такое «троеборье» окажется по плечу лишь тем, кто сумел накопить достаточные резервы скорости. К примеру, для того, чтобы победить в барьерном беге на 80 метров Галину Быстрову и спортсменку из ГДР Г. Биркемейер, я думаю, что надо будет пробежать дистанцию за 10,4 секунды. А это ведь время нового мирового рекорда!

Игорь ТЕР-ОВАНЕСЯН,

рекордсмен Европы

Этой зимой я чувствовал себя больше штангистом, чем легкоатлетом: много работал над развитием силы. «Распрыгиваться» начну лишь к маю. Моя главная цель — удачно выступить на первенстве Европы в Белграде.

Правда, там я не встречусь со своим первым соперником — американцем Ральфом Бостоном, но и молодой немец М. Штейнбах тоже, как говорят, не подарок: он прыгнул на 8 метров 13 сантиметров. Но с Бостоном я встречусь еще до этого, на матче СССР — США. Мировой рекордсмен и олимпийский чемпион пока не блещет своими успехами. Его лучший прыжок на зимнем стадионе — 7 метров 43 сантиметра — уступает моим результатам. Но это еще ни о чем не говорит. Я думаю, что Бостон готовится к сезону серьезно и просто не форсирует события.

Этот замечательный спортсмен еще и вполовину не использовал своих великолепных данных. Он обладает исключительной прыгучестью и без всякой специальной подготовки недавно прыгнул в высоту на 2 метра 7 сантиметров. Если к своей прыгучести Бостон приложит технику, то мировой рекорд прыжка в длину достигнет 8 метров 50 сантиметров.

Виктор ЦЫБУЛЕНКО,

чемпион XVII Олимпийских игр

Копье больше не боится мороза. Это и понятно: нам времени терять нельзя, ведь впереди новые встречи с сильнейшими метателями мира. Вот почему я уже с января тренируюсь на воздухе.

Сейчас моя главная цель — хорошо подготовиться к борьбе с рекордсменом мира итальянцем К. Лиеворе и польским легкоатлетом Янушем Сидло. Я надеюсь, что эта встреча произойдет сперва в Москве, на международных соревнованиях, посвященных памяти братьев Знаменских, а затем уже в Белграде, на чемпионате Европы.

Что ждет меня на стадионе калифорнийского городка Пало Альто на матче СССР — США, сказать не могу. С тех пор, как планирующее копье Хелда получило отставку, в росте американских метателей наступила временная пауза. Но успехи европейских спортсменов говорят о том, что не за горами тот день, когда копье вонзится в траву где-нибудь на подступах к 90 метрам.

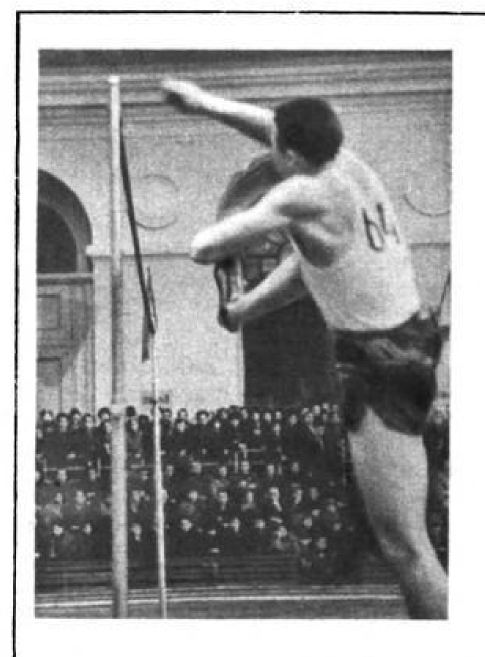
Тамара ЩЕЛКАНОВА, рекордсменка мира

Зимой я в который уже раз пыталась подружиться с ядром, но, увы, не многого добилась. Нет, я не собираюсь выступать в пятиборье. Ядро мне нужно лишь для развития силы. За всю зиму было всего лишь шесть тренировок по прыжкам в длину, и все же на Всесоюзных соревнованиях, проведенных в зимнем манеже, я достигла неплохого результата — 6 метров 23 сантиметра. (Через несколько дней Тамара Щелканова прыгнула еще на 10 сантиметров дальше.— Ред.) Будем надеяться, что летом мне удастся прыжок на 6 метров 60 сантиметров. Но о новом мировом рекорде мечтаю не только я. Об этом наверняка думают и моя главная соперница — спортсменка из ГДР Хильдруп Клаус и многие другие. Надеюсь, что новые встречи прыгунов закончатся новыми высокими результатами.

Олег ФЕДОСЕЕВ,

обладатель мирового достижения по тройному прыжку

Если пользоваться студенческим лексиконом, то зимняя зачетная сессия прошла для меня вполне удачно. На Всесоюзных соревнованиях в зимнем манеже мне удалось на 15 сантиметров улуч-

Гавриил КОРОБКОВ,

старший тренер сборной команды СССР

Удачи и неудачи... Какая между ними существует взаимосвязь? Попробуем же на примере двух спортсменов — Олега Федосеева и Виктора Большова — разобраться в этом интересном вопросе.

Посмотрите на великолепный прыжок Олега Федосеева. Взят мощный разбег. Сейчас спортсмен пролетит 16 метров 30 сантиметров — результат, небывалый для зимнего стадиона. А ведь целых два года спортсмена упорно преследовали неудачи. Сколько разочарований ждало Федосеева! И он

шить свое мировое достижение по тройному прыжку. Теперь оно равно 16 метрам 30 сантиметрам.

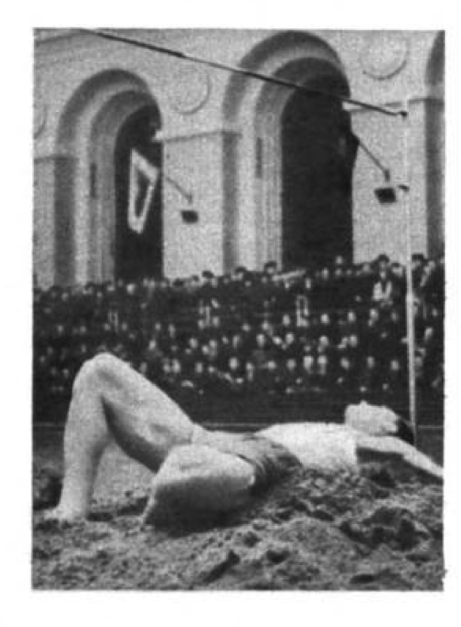
Ленинградские соревнования и были для всех нас «зачетной сессией»: на них проверялась работа, проделанная с конца прошлого спортивного сезона до начала нынешнего. Для меня весь этот немалый срок прошел под началом трех букв: ОФП. Я занимался общефизической подготовкой вместе со своим тренером Леонидом Щербаковым.

Мне кажется, что с его помощью удалось накопить столь значительные резервы сил, что с ними не страшно штурмовать и мировой рекорд польского спортсмена Ю. Шмидта. Как известно, этот мировой рекорд равен 17 метрам 3 сантиметрам.

Вот он, мой главный соперник, Шмидт! Для того, чтобы состязаться с ним, для того, чтобы побить его рекорд, нужно достигнуть полнейшего гармонического сочетания разбега и прыжка, а до недавнего времени моим главным врагом был заступ: я часто переступал брусок, и мои попытки не засчитывались судьями. Теперь я достиг высокой стабильности шага при разбеге, и число заступов сократилось до минимума.

Итак, будем ждать первых летних стартов, осуществления наших планов и надежд.

сумел преодолеть все препятствия на пути к новым рекордным результатам...

Двадцатидвухлетний прыгун в высоту Виктор Большов, казалось бы, потерпел в ленинградском манеже обидную неудачу, что и зафиксировали объективы фотокорреспондентов.

Большов на XVII Олимпийских играх в Риме преодолел 2 метра 14 сантиметров и завоевал четвертое место. Огромный успех молодого спортсмена! Он стал чемпионом страны с результатом 2 метра 15 сантиметров. Но дальнейший рост Виктора Большова замедлился. Прошлым летом он сумел нарастить всего лишь сантиметр. Этому способному прыгуну, великолепно владеющему своим телом, мешала недостаточная физическая подготовка.

И вот мы увидели Виктора Большова на старте в ленинградском манеже. Он преодолел 2 метра 10 сантиметров и попросил поднять планку еще на 7 сантиметров. Это была высота, которую Большову никогда еще не удавалось преодолеть. И вот снова неудача. Неудача, казалось бы, еще более горькая, потому что, как это видно по снимкам, Большову удалось пройти над планкой. Когда он приземлился и посмотрел, лежа еще на спине, вверх, планка была на месте. Но вот Большов стал приподниматься, и в этот момент планка упала на землю.

И все же в этой неудаче молодого спортсмена есть зародыш успеха. Я уверен, что уже в этом сезоне Большов подойдет вплотную к результату Валерия Брумеля.

Почему я так думаю? А потому, что в стремлении преодолеть неудачи Большов пошел по правильному пути. Он не пожалел сил на свою физическую подготовку, значительно окреп, а это, в свою очередь, позволило ему увеличить длину и скорость разбега. К сожалению, в зимнем манеже Большов не смог выдержать длины своего разбега, оттолкнулся неточно и потому в самый последний момент зацепил планку ногой.

Вот что хотелось бы отметить, рассматривая снимки Олега Федосеева и Виктора Большова.

Петр БОЛОТНИКОВ,
чемпион XVII Олимпийских игр, рекордсмен мира

Зимой я «набегал» немного — всего 1 500 километров. Главная моя цель как студента была в ином — сдать государственные экзамены. Теперь я надеюсь, что добьюсь успехов и в своей спортивной подготовке.

Впереди много интересных соревнований. Рассчитываю встретить на старте олимпийского чемпиона в беге на 5 000 метров новозеландца Мюррея Халберга, бегуна из ГДР Ханса Гродотцки, поляка Казимежа Зимны. Все мы стремимся к одному — улучшить мировой рекорд Владимира Куца в беге на 5 000 метров. В 1957 году в Риме Куц прошел дистанцию за 13 минут 35 секунд, и с тех пор никому не удается даже повторить это время, хотя Мюррей ближе всех подошел к нему — 13 минут 35,2 секунды.

Думаю, что этим летом рекорд Куца будет наконец побит. Кому это удастся? Первый кандидат, конечно, Халберг. Не скрою, что и я прежде всего готовлюсь к удачному бегу на 5 000 метров. Видимо, в хорошей спортивной форме будет мой товарищ Александр Артынюк. Но спорт есть спорт, и я не удивлюсь, если всех нас обойдет на повороте какой-нибудь неизвестный бегун. Вперед же, товарищ, смело занимай бровку!

Валерий БРУМЕЛЬ,
рекордсмен мира

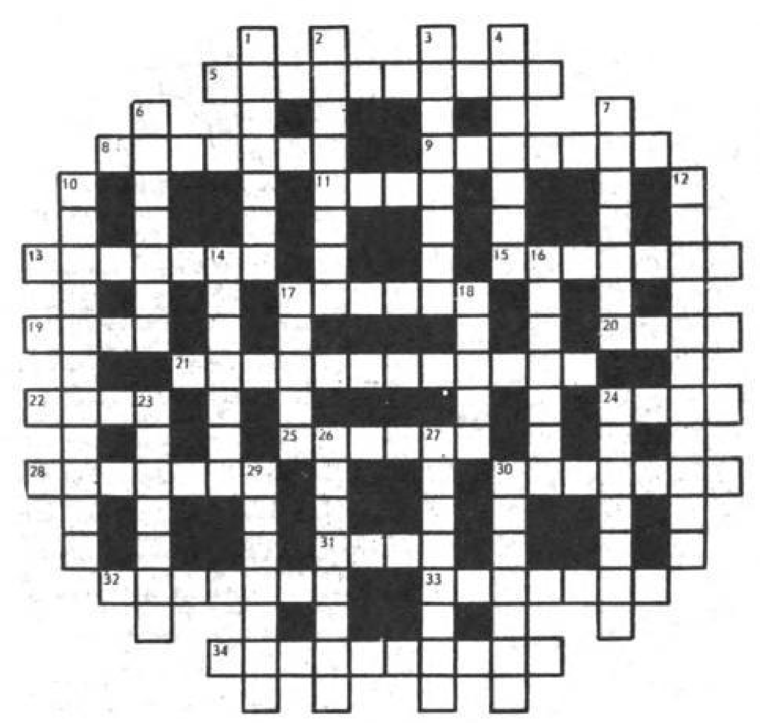
Для меня зима окончится лишь к середине мая. Как видите, мой тренировочный график сейчас очень отличается от прошлогоднего. Это и понятно. В 1961 году для меня большой сезон начался уже в конце зимы — поездкой в США. Вот почему, готовясь к встрече с Томасом, я смог в Ленинграде преодолеть высоту 2 метра 25 сантиметров. А сейчас, к концу марта, у меня было всего лишь несколько прыжковых тренировок.

Чем же я занимаюсь в таком случае? Могу ответить: тяжелой атлетикой. Да, исподволь, незаметно в течение последних пяти лет штанга стала одним из основных средств тренировки легкоатлетов. Ей мы все обязаны многими своими победами.

«Как же так? — спросите вы.— Прыгун должен стремиться к невесомости, легкости, а он вдруг ворочает многопудовые тяжести!» Но учтите, что без силы нет и легкости. Конечно, с Юрием Власовым я конкурировать не собираюсь, но советами его пользуюсь частенько и даже подружился с этим замечательным атлетом.

Итак, зимой я невесомую планку поменял на очень весомую штангу и даже установил своеобразный рекорд. Три месяца тому назад я начал приседание со штангой весом в 165 килограммов. А сейчас насаживаю на гриф еще 20 килограммов.

Теперь передо мной другая задача: перевести накопленные килограммы в сантиметры. Готов менять килограмм на сантиметр! Если бы это удалось, я смог бы прибавить к своему мировому рекорду целых двадцать драгоценных сантиметров! Не знаю, смогу ли это сделать, но вообще прыжок на 2 метра 45 сантиметров вполне реален. Кто будет обладателем нового мирового рекорда, предсказать, конечно, нелегко. Да и зачем заниматься прогнозами, когда до первых стартов остались считанные дни! Попрыгаем — увидим!

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Порт в Южной Америке. 8. Значок на форменном головном уборе. 9. Русский писатель. 11. Музыкальный знак. 13. Суждение, содержащее два исключающих друг друга положения. 15. Форма награды. 17. Спортивное оружие. 19. Длинная палка. 20. Топливо. 21. Часть оперения самолета. 22. Персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 24. Рассказ о действительном происшествии. 25. Документ, содержащий сведения. 28. Вереница судов. 30. Несходство. 31. Спутник планеты. 32. Виноградный сахар. 33. Южное дерево. 34. Набор чертежных инструментов.

По вертикали:

1. Круглый хлеб. 2. Сторона листа. 3. Кинофильм Чаплина. 4. Раздвижное кресло. 6. Пакет. 7. Река, на которой стоит Вашингтон. 10. Международные соревнования студентов. 12. Работа органов речи. 14. Состав для натирания полов. 16. Преобразование, переустройство. 17. Загадка. 18. Курорт на Черном море. 23. Сапожная колодка. 24. Оптический прибор. 26. Русский композитор XIX века. 27. Конфета. 29. Крупное травоядное животное. 30. Участок суши.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

4. Чигорин. 7. Копулировка. 10. Венок. 12. Панно. 14. Кроссворд. 18. Белорус. 19. Таймура. 20. Тремоло. 21. «Гармонь». 22. Любляна. 23. Антоновка. 26. Милле. 27. Алжир. 30. Регистрация. 31. Волопас.

По вертикали:

1. Кижуч. 2. Комитас. 3. Шифон. 5. Поток. 6. Оклад. 8. Местоимение. 9. Энтомология. 11. «Крестьяне». 12. Притолока. 13. Трепанг. 15. Серебро. 16. Волокно. 17. Коринка. 23. Алиев. 24. Нейтрон. 25. Алкид. 28. Вихор. 29. Халат.

На первой странице обложки: Петр Анисимов, студент 2-го курса филологического факультета Ленинградского университета, комсорг курса, выступает на диспуте «Отцы и дети» (см. в номере «Знакомьтесь – молодость!»).

Фото В. Тарасевича.

На последней странице обложки: Рисунок П. Пинкисевича к роману А. Калинина «Запретная зона».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00452 Подписано к печати 4/IV 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 551. Заказ № 967.

Ордена Ленина типография газеты «Правда», Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

История открытки

Почтовая открытка, выпущенная в 1899 году к столетию со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина, принадлежала сельской учительнице, работавшей в одном из сел Владимирской губернии в конце 90-х годов прошлого столетия.

Эта учительница была родственницей матери моей жены. После ее смерти вместе с книгами к матери жены, а затем и к моей жене перешла эта открытка, которая хранилась в наших семьях более шестидесяти лет. Мы решили передать эту открытку в Музей А. С. Пушкина в Москве.

В. СУДЕЦ,
маршал авиации

Почему мы так говорим

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ. ОЧАГ.

Летописи сообщают, что в 1246 году в ставке Батыя великий князь Михаил Всеволодович Черниговский с боярином Федором отказался пройти между двумя очистительными огнями и поплатился за это жизнью. Через восемь месяцев после гибели Михаила в Монголию прибыл с письмом римского папы итальянец Плано Карпини. Он также сообщает о недавней казни черниговского князя и описывает обычаи, связанные с культом огня у монголов. «Устраивают два огня и рядом с огнями ставят два копья с веревкой на верхушке копий... и между упомянутых двух огней проходят люди, животные».

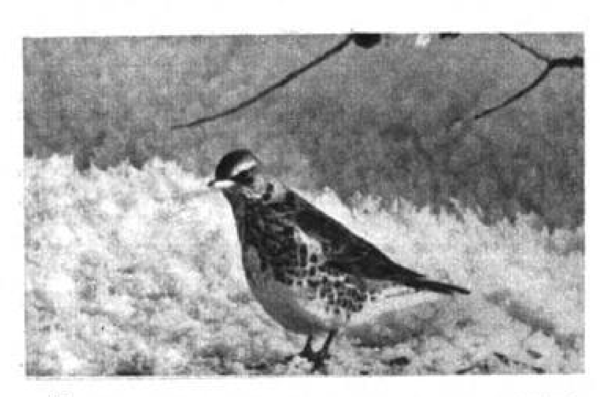
Мы и сегодня еще говорим «очутиться между двух огней», как об очень трудном и сложном положении.

Монголы почитали дух огня «От» или «Ут». Нельзя было бросать в огонь нечистые вещи, плевать, переступать через костер. Интересно, что имя духа огня сохранилось во многих тюркских языках народов СССР и доныне. Например, в современном татарском языке «огонь» — «ут», в туркменском — «от».

Из «от» с добавлением уменьшительно-ласкательного окончания образовалось в том же туркменском языке «ожаг» — «огонек». Сходные по звучанию и значению слова есть и в других языках (например, в турецком). А «ожаг» звучит почти как русское «очаг», происхождение которого и восходит к тюркским языкам.

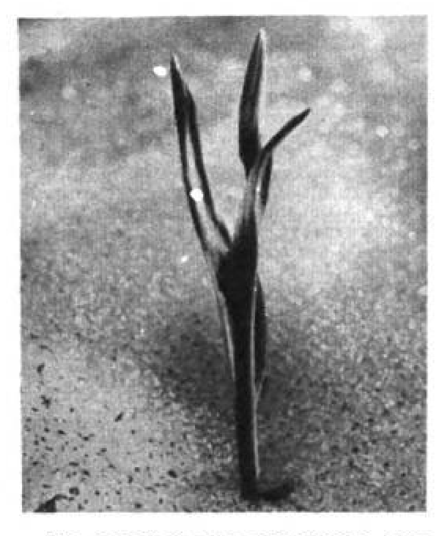
И. УРАЗОВ

ВЕСНА НА АЛТАЕ

Ночью еще морозит, но весна уже пришла. По влажному, рыхлому сугробу расхаживает дрозд. Он перенес суровую зимовку и теперь рад наступлению теплых дней.

У ручья слышна песня оляпки — водяного воробья. Но оляпка распевает и зимой. Эта маленькая птичка ведет удивительный образ жизни: даже в лютый мороз она добывает пищу со дна незамерзающих речек и ручьев.

На склонах гор появились первые проталины. Сибирский тюльпан пробился сквозь слой снега.

А. ЛУХТАНОВ

г. Зыряновск.

ВЕСЕННИЙ КОСТЮМ

Нынешней весной модными будут платья, костюмы и пальто, расширенные книзу. Женщинам полюбились вязаные отделки и различные шарфы, и их будут продолжать носить. Платья делают прямыми или слегка приталенными, с поясами на талии или чуть ниже. Рукава вшитые и цельнокроенные, воротники небольшие.

Мы показываем весенние вещи различного назначения.

1. Нарядный ансамбль из набивного репса. Платье, прилегающее в талии, с оборкой внизу; пальто расширено книзу. Несколько ниток бус сделают этот костюм более нарядным.

2. Платье из шерстяного крепа, почти прямое. Низ юбки с боков и сзади заложен складками.

3. Костюм из полушерстяной ткани букле. Его хорошо носить со свитером.

4. Летнее пальто с шарфом, из легкой шерстяной ткани в клетку сильно расширено книзу. Шарф от этого пальто можно надевать к любому другому однотонному шерстяному платью, костюму или легкому пальто.

Рисунки Н. Голиковой.

2
3
4
1

Цена номера 30 коп.